

Узнавший детектив

Г•А•Л•И•Н•А

КУЛИКОВА

Лига звездных негодяев,
или Неземное тело



Пиковая дамочка Лайма Скалбе

Галина Куликова

**Лига звездных негодяев,
или Неземное тело**

«ЭКСМО»

Куликова Г. М.

Лига звездных негодяев, или Неземное тело / Г. М. Куликова —
«Эксмо», — (Пиковая дамочка Лайма Скалбе)

ISBN 978-5-699-80383-5

На этот раз группа «У» – ударное и удачливое спецподразделение службы безопасности – сталкивается с проблемами вселенского масштаба. Лайма Скалбе, Евгений Корнеев и Иван Медведь должны выяснить причину таинственной гибели Николаса Лейтера, крупного американского специалиста по космосу и секретного сотрудника НАСА... Цепь странных обстоятельств приводит группу в коттеджный поселок, расположившийся неподалеку от Дурного озера, о котором ходит множество слухов. И вот уже весь местный бомонд – поп-звезда Саша, астролог и прорицатель Кукуба, известный путешественник Степан Граков, модный бард Олег Бабушкин, красавец-актер Егор Остряков и его жена Венера – вовлечен в круговорот стремительно развивающихся событий. Страсти бушуют всюду, а в центре этих страстей – умная, бесстрашная и никогда не унывающая пиковая дамочка Лайма...

ISBN 978-5-699-80383-5

© Куликова Г. М.

© Эксмо

Галина Куликова

Неземное тело

Блондинка озирала окрестности через лобовое стекло автомобиля, вздернув маленький твердый подбородок. Когда шофер открыл для нее дверцу, она крутнулась на пятой точке, вынесла ножки наружу и ступила на асфальт.

– С какой стати тут так жарко? – громко спросила она непонятно у кого. Возможно, у самого господина бога. – Мы же за городом! Почему эти огромные деревья дают так мало тени?

У нее был вид королевской кошки, очутившейся на помойке. Анисимову с первого взгляда стало ясно, что ей ничего здесь не понравится.

Он стоял по другую сторону изгороди на своем участке, опираясь на грабли, и смотрел, как она идет к калитке, покачивая бедрами. Бедра были стройными, талия тонкой, волосы, уложенные в башню, гладкими и блестящими. В дополнение к ладному телу природа одарила ее большими серыми глазами, идеальной формы носом и чувственным ртом. С дурами так всегда и бывает – снаружи они очаровательны, а в голове у них пусто, как в дырявом бидоне.

Улица, с двух сторон подпираемая недружелюбными заборами, изгибалась коромыслом. Постриженная зелень успокаивала глаз, а новенькие коттеджи с красными крышами походили на крепкие подосиновики, только что вылезшие из земли.

– Принимайся за багаж, – приказала блондинка, обернувшись к шоферу.

Тот засуетился. Это был молодой мужчина с пышными усами, в огромных солнечных очках и каскетке с длинным козырьком. Разглядеть его как следует не представлялось возможным. Впрочем, у Анисимова не возникло никакого желания его разглядывать. Его интересовала только новая соседка, черт ее подери. Судя по количеству чемоданов, она собиралась задержаться здесь года на два.

– Привет! – поборов возникшую неприязнь, поздоровался он. Перешагнув через клумбу с незабудками и приблизился к забору вплотную.

Тридцать пять лет, сто девяносто рост, хорошее лицо со спокойными чертами, а в довесок – глаза упрямяца и забияки.

Блондинка уже атаковала калитку и втиснула ключ в замочную скважину.

– Вероятно, мы с вами соседи, – сказал Анисимов.

– Вероятно, – холодно ответила она, окинув его взглядом оценщика подержанных вещей.

– Тогда нам стоит сразу познакомиться, – он неискренне улыбнулся. – Меня зовут Анисимов Антон.

– А меня Лайма. – В ее голосе не чувствовалось дружелюбия. Распахнув калитку, она сделала несколько шагов по дорожке, выложенной круглыми камнями. – Кстати, почему между нашими участками отсутствует забор?

– У меня с прежним хозяином возникли территориальные споры.

– С моим мужем?!

Анисимов удивленно моргнул:

– Так вы?..

– Вдова, – подтвердила она его невысказанное предположение. – И что же вы с Леонидом не поделили?

– Вон те кусты жасмина.

Он с трудом переварил новость. Вдова? Очень, очень странно...

– Надеюсь, *мне* вы уступите эти кусты, – безапелляционно заявила Лайма. – Я люблю нюхать жасмин. Так что можете приступать к строительству забора, не мешкая.

Анисимов мгновенно разозлился и, шевельнув бровью, процедил:

– А вы хваткая.

- С чего вы взяли?
- Смекалка так и светится в ваших глазах.
- Надеюсь, она не портит мою внешность?

Вдова прошествовала мимо с видом председателя высокой комиссии, намеренного пресечь все должностные нарушения.

Шофер с первой порцией чемоданов протиснулся вслед за ней и двинулся к дому, поздравившись с соседом коротким кивком. «Неудивительно, – подумал тот, – что бедолага боится даже рот раскрыть. Наверняка патронесса осаживает его на каждом слове».

– Могу я что-нибудь для вас сделать? – не сумев скрыть иронии, спросил Анисимов, глядя, как блондинка удаляется по дорожке.

- Упомяните меня в своем завещании, – ответила она, не оборачиваясь.

Поднялась на крыльцо, недолго повозилась с замком и вошла в дом. Когда все чемоданы были внесены внутрь, она с облегчением захлопнула дверь. В один миг стервозное выражение слетело с ее лица, сделав его менее эффектным.

– Фу-у, – произнесла Лайма своим обычным голосом. – Если все мужики в этой Богодуховке такие сексапильные, мне придется туго. Заметил, какая у него мускулатура?

Евгений Корнеев, который только что избавился от солнечных очков, перевернул каскетку козырьком назад и попенял:

– Почему ты с ним так нагло разговаривала? Твоя задача – подружиться с соседями, а не затевать с ними войну. Этот Анисимов тебя уже ненавидит. А я-то надеялся, что твоя красота сразит его наповал.

- Не переживай: рано или поздно он капитулирует, – успокоила его Лайма.

- Ну да! – не поверил Корнеев.

– Уверяю тебя. Чтобы привлечь внимание мужчины, недостаточно задеть его сердце – нужно ранить его самолюбие. Быки бросаются только на тех, кто трясет перед ними красной тряпкой.

– Тебе лучше знать, – пробормотал ее напарник и прошелся по комнате, разглядывая предметы обстановки. – А тут чертовски уютно. Люблю пожить шикарно! Белые диваны, ковер с ворсом по шиколотку, стереосистема, всякие штучки-дрючки...

– Тебя это не должно волновать, потому что ты будешь жить в подвале, – отрезвила его Лайма. – Можешь начинать распаковывать свой компьютер. Дождемся темноты, а потом ты уедешь. То есть сделаешь вид, что уезжаешь. И сможешь отклеить наконец свои дурацкие усы.

Это был заранее разработанный план. Лайма останавливается в Богодуховке под именем вдовы Леонида Перворукова и оперативно знакомится со всеми соседями, попавшими в «особый список» службы безопасности. Поскольку личности здесь проживают все больше известные, за город они приезжают с одной целью – отдохнуть от постоянного общения с людьми. Вряд ли кто-то горит желанием тесно дружить с соседями – высоченные заборы говорят сами за себя. Однако вдова, оставшаяся одна-одинешенька, нуждающаяся в совете и ободрении, всегда может найти предлог, чтобы постучать в соседскую дверь.

Лайма подошла к окну и выглянула наружу. Весь участок зарос сочными сорняками и выглядел заброшенным.

– А ты сможешь пробраться обратно так, чтобы тебя никто не увидел? – обеспокоенно спросила она у Корнеева.

– Меня же привозили сюда на разведку вместе с уборщиками, – напомнил тот. – Со стороны перелеска в заборе есть замаскированный лаз. Главное, не включай сигнализацию, пока я не вернусь.

Он скинул башмаки и принялся перетаскивать вещи на второй этаж. Лайма командовала, что к какому шкафу нести.

- Ну и набрала же ты платьев! Собираешься закадрить всех мужиков сразу?

– Мне приказали их кадрить, – равнодушно откликнулась она. – Ты же знаешь, я не люблю без нужды наряжаться.

Большую часть времени Лайма носила деловые костюмчики и туфли на удобном каблуке. Волосы заворачивала в простой узел и слегка подкрашивала губы. Однако на заданиях от нее порой требовалось выглядеть особенно привлекательной. Тогда приходилось затрачивать усилия и блистать. Сейчас был именно такой случай.

– У меня в подвале еще лучше, чем у тебя в гостиной, – радостно сообщил Корнеев, облазивший дом сверху донизу. – Там огромная кровать, домашний кинотеатр, баскетбольная корзина и холодильник, в котором полно еды.

– Можно подумать, ты будешь смотреть кино или играть в баскетбол, – пробормотала Лайма. – Или спать в кровати. Насчет еды я тоже сомневаюсь.

Компьютерный гений Корнеев славился тем, что, погрузившись в виртуальный мир, забывал обо всех своих человеческих потребностях. Однажды к нему даже вызывали «неотложку», думая, что он впал в кому прямо возле монитора.

– А с кем из соседей ты хочешь познакомиться в первую очередь? – полюбопытствовал гений, покачивая ногой в белом носке.

Лайма сварила кофе, и они вдвоем сели за дубовый стол, разложив перед собой записи, сделанные накануне, во время подготовки к заданию. На большом листе была нарисована дорога, рядом – поселок, и над каждым квадратиком, изображавшим дом, надписана фамилия владельца.

На самом деле Богодуховкой называлась маленькая деревенька, в которой осталось не так уж много жителей. Местечко считалось заброшенным и бесперспективным до тех пор, пока рядом не начали строить новый коттеджный поселок. Сюда провели водопровод, проложили асфальтовую дорогу и открыли продовольственный магазинчик. Богодуховка оживилась. Сады и цветники за элитными заборами кому-то нужно было вскапывать, полоть и поливать, и для местных жителей появился шанс подзаработать.

– Анисимова я оставлю на закуску, – начала прикидывать Лайма. – Между нашими участками нет загородки, и это развязывает мне руки. Я могу делать с ним практически все, что захочу.

Корнееву стало немножко обидно, что она рассматривает всех мужчин исключительно с биологической точки зрения. Надо же – «все, что захочу!».

– Не забудь, он писатель, существо высокоорганизованное. Возьмет и не клюнет на тебя. Лайма положила в рот кусочек сахара и с хрустом разжевала.

– Мужская солидарность – великое дело, – заметила она. – Однако, как ни больно тебе будет это слышать, друг мой, любым мужчиной можно управлять. В отношениях с прекрасным полом вы предсказуемы, как первые заморозки.

– Но ведь в нашем списке есть и женатые, – запальчиво возразил Корнеев. – Счастливые мужья. Целых два счастливых мужа.

– Я стану их лучшим другом, – отрезала Лайма. – Тебя что, беспокоит мой нравственный облик?

– Ладно-ладно, – сдался он. – Значит, Анисимов – на закуску.

– Итак, две супружеские пары, – задумчиво пробормотала Лайма. – Больше всего меня волнуют Остряковы, Егор и Венера.

– Надо думать! – поддакнул Корнеев. – Насчет Венеры ничего не скажу, но Егор... Известный актер, красавчик, секс-символ...

– Не надо меня запугивать. – Она склонилась над планом. – Остряковы от нас дальше всех. А прямо напротив кто? А! Олег Бабушкин.

– Интересно, он поет вечерами в саду? – мечтательно спросил Корнеев, подперев щеку кулаком. – Пару лет назад я был на его концерте. Талантище!

– Допивай кофе, я попробую узнать, на месте ли твой талантище, – решила Лайма и поправила прическу двумя руками. – В конце концов, нам нельзя терять ни минуты.

Она вышла на улицу и зорким взглядом окинула горизонт. Горизонт был чист, если не считать Анисимова, который по-прежнему торчал на виду и сгребал скошенную траву в большую кучу. Игнорируя его, Лайма прошествовала по дорожке, перешла на другую сторону улицы и остановилась перед высоченной изгородью с острыми пиками наверху. Примерившись, она протянула руку и нажала на кнопку звонка.

Калитка открылась абсолютно бесшумно – петли здесь наверняка смазывали дорогим импортным маслом, выдавливая его из флакона с изысканным носиком. Лакированная табличка, на которой была изображена оскаленная собачья морда, предупреждала, что во дворе притаился кусачий друг человека. Лайма надеялась, что он сидит на цепи и не выскочит ей навстречу, шелкая зубами.

– Привет! – заранее сказала она и подождала, пока калитка распахнется до конца.

Представший перед ней тип, одетый в мятые шорты, и сам был похож на собаку – огромный, нечесаный, заросший щетиной, он сверлил Лайму глазами, притаившимися под набрякшими веками. Если бы она не знала наверняка, что это известный бард Олег Бабушкин, то приняла бы его за алкаша местного значения. На ее «привет» звезда эстрады нехотя почесал живот и спросил:

– Ну?

Это «Ну?» ее рассердило. Вряд ли к грубияну каждый день заходят прелестные блондинки, одетые в безупречные летние костюмчики. Впрочем, кто его знает? В конце концов, он знаменитость. Со времен зеленой юности Лайма питала слабость к мужчинам с гитарами. Правда, не к таким запущенным.

– Я ваша новая соседка Лайма, – объяснила она. И для ясности добавила: – Лайма Перворукая.

Она никак не могла привыкнуть к этой фамилии. Перворукая! С ума можно сойти. Хорошо, что не Второрукая или, того хлеще – Третьерукая. Или какая-нибудь Грязноногая. Два дня она обкатывала эту фамилию в уме, но так с ней и не смирилась.

– Из дома напротив? – с неудовольствием переспросил Бабушкин. – Вот, значит, как... Будете тут проживать...

Он произнес это таким мрачным тоном, как будто приезд соседки грозил лично ему кучей неприятностей.

– С недавних пор я вдова, – высоким голосом, который мог в любой момент оборваться слезами, сообщила Лайма. – Приходится самой решать бытовые вопросы, а это так сложно... Сейчас мне до зарезу нужен садовник. А где его взять?

– Миль пардон, – сальным баском ответил Бабушкин. – Но у меня нет лишнего садовника.

И он так быстро захлопнул калитку, что едва не прищемил незваной гостье нос.

– Да... – пробормотала Лайма и покачала головой. – Тут работать и работать.

Некоторое время она стояла на месте, раздумывая, как действовать дальше. Летнее солнце бомбардировало ее макушку, словно вошедший в раж лудильщик кастрюль дырявую домашнюю утварь.

Когда она возвращалась, на лице Анисимова было написано удовлетворение. Он пытался его скрыть, но у него ничего не получалось. «Ладно, ладно, – подумала Лайма. – Улыбайся пока, писатель».

– Ну, как? – с любопытством спросил Корнеев, пытаясь прожевать булку, которую он практически целиком засунул в рот. – Бабушкин там?

– Там, но контакт я с ним пока не наладила. – Лайма плюхнулась на стул и побарабанила пальцами по столешнице. – Кстати, а что он написал?

– Кто?

– Анисимов, разумеется! Это ведь он у нас писатель.

– По-моему, он пишет что-то такое... интеллектуальное.

– Наверняка он страдает манией величия. Терпеть не могу таких типов.

Корнеев хмыкнул и смел крошки со стола в ладонь. Выбросил их в мусорное ведро и удовлетворенно сообщил:

– Все, мне пора отправляться. Поставлю машину в условленное место и в сумерках приду обратно. Комп уже распакован и ждет. У меня есть одна идея, которую нужно обкатать...

– Только не рассказывай мне о своих микробах, – попросила Лайма. – Я все равно ничего в этом не понимаю.

– В компьютере не микробы, а вирусы. Стыдно не знать таких простых вещей.

– Я же не Билл Гейтс, – буркнула Лайма.

– Высокие технологии изменили нашу жизнь! – горячо сказал Корнеев. – И твою тоже.

– Согласна. Раньше я раскладывала пасьянс вручную, а теперь использую для этого «мышь».

Оскорбленный до глубины души, ее напарник нацепил свои огромные очки и надвинул козырек каскетки на глаза. Лайма вышла вместе с ним на улицу, чтобы разыграть сценку прощания.

– Боже мой, я остаюсь здесь совсем одна! – посетовала она так громко, чтобы писатель непременно услышал.

Анисимов сидел в плетеном кресле и лениво курил, закинув ноги на деревянную скамью. Конечно, он все слышал. И видел тоже. Блондинка по-прежнему была в босоножках на высоченной танкетке. Любой разумный человек уже давно переобулся бы во что-нибудь более подходящее. Или разулся бы вообще. Но нет, как же! Она должна демонстрировать свои ноги даже червякам.

– Мало того, что здесь страшно, – продолжала Лайма, – так я еще остаюсь без средства передвижения. А если со мной что-нибудь случится?

Когда автомобиль отъехал, растворившись в графитовых сумерках, блондинка потопала обратно. Анисимов нутром чувствовал, что она его в покое не оставит. Так и вышло. Остановившись на дорожке, она повернулась в его сторону и капризным голосом спросила:

– В этом месте есть больница?

– Нет. А вы что, заболели?

Он принялся лениво щелкать зажигалкой, окидывая Лайму утомленным взглядом.

– Я уколола палец.

– Посмотрите в своей ванной комнате. Там наверняка есть аптечка, в которой отыщется склянка с йодом.

– А если мне потребуются антибиотики?

– Это чем же вы укололи палец? Отверткой? На кой черт вам антибиотики?

– Я говорю – если. Вы разве не знакомы с сослагательным наклонением? – огрызнулась она.

У ее блузки был вырез той самой глубины, которая мешает мужчинам сосредоточиться. Анисимов постарался сконцентрироваться на ее лице. Лицо было вредным. Маленькие ноздри хищно раздулись, глаза сверкали.

– У меня есть мотоцикл, – сообщил он. – Если вы будете умирать, я довезу вас до местного фельдшера.

– Теперь, когда вы за меня *отвечаете*, – подвела она итог, – не забывайте следить за тем, чтобы ваш мотоцикл всегда был заправлен бензином.

Повернулась к Анисимову спиной и отчалила. Он оторопело смотрел, как мелькают ее крепкие икры и розовые пятки. Кажется, еще пара дней, и он разлюбит сидеть во дворе. Может быть, в самом деле начать строить забор? Пусть подавится своими жасминовыми кустами.

* * *

Корнеев появился, когда на улице было совсем темно. Он проскользнул в дверь черного хода и крикнул:

– Лайма, я такую штуку придумал!

– Как подсоединиться к Интернету через канализацию? – сердито спросила она. – Где ты был столько времени? Я все глаза проглядела!

– Я украл собаку, – сообщил Корнеев, приземлившись в самом центре белоснежного дивана. Руки у него оказались грязными, как у трубочиста, и на обивке остались две черные пятёрки.

Лайма была так ошарашена его заявлением, что ничего не сказала по поводу этого безобразия.

– Какую собаку? – изумилась она, прижав к груди ладони. – Где она?

– Я отвел ее в лес и привязал к дереву.

Целую минуту Лайма молчала, наблюдая за тем, как Корнеев, схватив черными лапами яблоко с блюда, жадно с ним расправляется.

– Евгений, с тобой очень интересно общаться, – наконец призналась она. – Никогда не знаешь точно, кто из нас сошел с ума. – Она потерла виски пальцами и спросила: – С какой целью ты украл собаку?

– Для тебя, Лайма! – радостно ответил он. – Неужели ты не понимаешь?

– Если ты украл ее для меня, – осторожно поинтересовалась она, – то зачем отвел в лес?

– Но если бы я потащил ее сейчас сюда, в дом, она бы принялась лаять, и нас наверняка бы застукали!

– Поэтому моя собака будет жить в лесу, – констатировала Лайма. – Понятно.

Она подумала, что прежде чем связываться с гениями, следует пройти курс психологической подготовки.

– Считаю, что одна подруга у тебя уже есть, – подвел итог Корнеев. – Правда, я молодец?

– Знаешь что? – рассердилась Лайма. – Когда мне не с кем будет дружить, кроме собак, я сообщу тебе дополнительно. Объясни немедленно, что случилось. Внятно объясни! Как это делают обыкновенные люди.

Корнеев с удовольствием облизал огрызок и аккуратно положил его на салфетку. Вытер руки о себя, испачкав заодно и рубашку, и, удовлетворенный, откинулся на спинку дивана.

– Рядом с нами находится коттедж Александры Журвиц, то есть певицы Саши.

– Я знаю, – ответила Лайма.

Она досконально изучила план и запомнила, какая знаменитость в каком доме проживает. Саша только недавно стала непременной участницей всех праздничных концертов, проводимых на главных площадках столицы, которые собирали самых известных артистов эстрады. Подняться на такую высоту считалось большим достижением, ибо список поющих уже много лет оставался неизменным. Единственное, что могло по-настоящему удивить, – это порядок выхода артистов на сцену или «сдохшая» фонограмма.

Логика подсказывала, что сначала человек должен обнаружить в себе талант и уж потом, совершенствуя его, добиваться известности. Однако Саша избрала альтернативный путь к славе. Сначала она приняла решение стать известной певицей и лишь потом начала возводить здание своего таланта. Поскольку техника идет вперед семимильными шагами, талант вскоре обещал стать народным.

- У нее была собака, – продолжал свое повествование Корнеев.
- Ты ее убил, – мрачно закончила Лайма. – В землю закопал и на камне написал...
- Лайма!
- Почему ты считаешь, что именно собака Саши должна стать моей лучшей подругой?
- Ты меня не так поняла. Сама Саша станет твоей лучшей подругой! Она наверняка любит свою псину. И когда сообразит, что та пропала, как пить дать ударится в панику. И тут ты приходишь и возвращаешь ей лохматое сокровище! Да она тебя боготворить будет. Правда, я умный?
- Как тебе удалось украсть собаку? – мрачно поинтересовалась Лайма. – Она что, была без сознания?
- Просто она очень маленькая.
- Болонка, что ли?
- Карликовый пудель. Такая серенькая кудлатая шавка. На ухе у нее красный бантик и какие-то цапки на шее. Она пролезла через дырку в заборе и бегала по дороге.
- Ты отнес карликового пуделя в темный лес?! – в ужасе спросила Лайма. – Да еще привязал к дереву?! Ведь его там съедят дикие звери!
- Здесь водятся только коровы, – буркнул Корнеев, расстроенный тем, что напарница не оценила его подвиг.
- Или он умрет от страха! Маленькие собачки безумно боятся темноты и одиночества!
- Ты говоришь с такой страстью, будто сама была маленькой собачкой. – Корнеев встал и потянулся, хрустнув косточками. – Что ж, пожалуй, я пойду устраиваться на новом месте. Посплю пару часов, а потом проверю свою идейку.
- Евгений, ты не можешь так поступить. Надо сходить в лес и забрать животное.
- Не выдумывай, – отрезал Корнеев. – Если я буду бегать по поселку, меня обязательно кто-нибудь заметит. Мы не можем провалить серьезную операцию только потому, что ты такая жалостливая. Ложись спать, а завтра утром приступишь к спасательной операции.
- Где собачка? К какому дереву ты ее привязал?
- В общем, так. Надо перейти шоссе возле указателя «Богодуховка, 1 км», спуститься по насыпи и двигаться к лесу, ориентируясь на большой дуб с дуплом. Собачка за дубом. Да ты наверняка ее услышишь. Когда я уходил, она жутко выла.
- Избавься от этих усов, – сказала Лайма ему в спину. – Ты похож на водопроводчика.
- Собственные щегольские усики делали Корнеева совершенно неотразимым. Тонкие и черные, они повторяли капризный изгиб его верхней губы и, подобно последнему росчерку пера, идеально дополняли облик рокового красавца. При виде Корнеева у большинства женщин слабели коленки.
- Он принял душ и, завернувшись в банный халат, удалился в свои чертоги. Лайма некоторое время ходила взад-вперед по комнате, представляя себе маленького пуделя, изнемогающего от страха и одиночества посреди леса, потом открыла дверь в подвал и спустилась на несколько ступенек.
- Тук-тук! – крикнула она. – Можно к тебе, жестокосердный тип?
- Жестокосердный тип не ответил, и тогда она двинулась дальше со словами:
- Думай обо мне что хочешь, но уснуть я не смогу. Давай сходим за этой собакой...
- Она оборвала себя на полуслове, потому что увидела Корнеева, который сидел абсолютно неподвижно, уставившись на экран монитора. Во рту у него торчал бутерброд, а глаза были стеклянными, как будто он подавился и вот-вот собирается свалиться замертво.
- Ясно, – пробормотала Лайма. – Люки задраены. – Она развернулась и пошла обратно, приговаривая: – Был бы тут Иван, он не допустил бы такого безобразия. Ивана даже не пришлось бы ни о чем просить...

Лайма Скалбе, Евгений Корнеев и Иван Медведь составляли особое подразделение под кодовым названием «Группа У» – ударная группа. Три дилетанта, волею судьбы попавшие под единоличное командование сотрудника одного из подразделений службы безопасности страны, успешно справлялись с самыми невероятными заданиями. Группа была законспирирована, личные дела ее членов изъяты из архивов, и связь со своим боссом, Игорем Тагировым (позывной – Орех), тройка поддерживала исключительно по телефону. Для этой цели имелся специальный сотовый аппарат, который Лайма, как командир группы, постоянно носила с собой.

К сожалению, на этот раз им пришлось разделиться. Бедной вдове не пристало иметь в своем распоряжении двух здоровых красивых мужчин. Со стороны она должна казаться слабой и беспомощной. Кроме того, кому-то нужно было действовать за пределами Богодуховки. Корнеев поехал с Лаймой для подстраховки. Работать с компьютером он мог в любых условиях.

Лайма выключила свет, подошла к окну, тихонько раздвинула жалюзи и выглянула на улицу. Луна исчезла. Черное небо горячим июльским животом легло на Богодуховку, почти раздавив ее. Фонари, тускло мерцавшие вдоль дороги, делали пейзаж еще страшнее и таинственнее. Ни ветерка, ни шороха. В такие ночи злодеи совершают ужасные преступления, а праведники мучаются кошмарами.

Лайма поднялась на второй этаж, выудила из чемодана кеды и быстро переобулась. Потом отыскала подсобное помещение, нашла ручной фонарик и заткнула его за пояс. По-хорошему, стоило переодеться в спортивный костюм, но она страшно не любила носить брюки. Юбки казались ей самой удобной одеждой на свете, и, когда предстояло трудное или опасное дело, она предпочитала именно их. Собравшись с духом, Лайма выскользнула на крыльцо и потянула за ручку. Дверь бесшумно затворилась за ней.

На душе было беспокойно. Невозможно сказать, что ее мучило больше – страх или угрызения совести. Она находилась на задании и не имела никакого права идти в лес одна. Лес представлял собой неизвестную, опасную зону, которую еще только предстояло исследовать. В этом, собственно, и заключалась миссия «Группы У» – выяснить, что происходит в Богодуховке. Дело на группу свалилось буквально с неба. Вот как это произошло.

* * *

День начался безобразно – пива, которое Виктор, как ему помнилось, припас на утро, в холодильнике не оказалось. «Но я же точно помню, что оставлял», – думал он, лихорадочно, по второму и третьему заходу обшаривая дурацкий белый ящик. Напрасно – затеряться проклятой бутылке здесь было попросту негде.

Окинув злым прощальным взглядом пустое холодное нутро, хранящее в себе лишь кусок окаменевшего сыра и черную обугленную сковородку с остатками непонятно чего, Виктор выругался, с силой захлопнул дверцу и плюхнулся на табурет. Значит, пиво было выпито ночью, а он совершенно этого не помнит – хорош был. Они с другом Мишей решили с горя выпить: Виктора очередной раз турнули со службы, даже не расплатившись с ним полностью за отработанное. И место-то было дрянное, и хозяева какие-то вороватые, да и деньги небольшие платили, но все-таки жаль.

А у Миши, как нарочно, тоже событие, точнее, памятная дата – год, как он вообще без всякой работы сидит, у родителей кормится. Однако у Виктора нет ни родных, ни, в настоящий момент, семьи – один в поле воин, ему завтра же надо начинать поиски новой работы. Поэтому договорились выпить по чуть-чуть. Но одной, как водится, не хватило, а после второй он уже ничего не соображал. Однако пиво специально приберег – знал, каково будет наутро. И вот – на тебе. Это, скорее всего, Мишка, гад неугомонный. Ему бы только водку с пивом мешать!

Ситуация требовала немедленного решения, так как без легкого опохмела ни о какой разумной деятельности и помышлять не стоило. «С другой стороны, – мелькнула невеселая мысль, – искать работу в состоянии похмельного синдрома – самоубийство».

Виктор решил сделать так: выйти на улицу, купить пива, вернуться домой, и, потихоньку приходя в себя, составить план дальнейших действий. Работа нужна была как воздух – денежных запасов, позволяющих роскошь временного ничегонеделания, у Виктора не имелось.

Ах, если бы все было так просто! Безобразный день продолжался, набирая силу, – никаких денег ни в куртке, ни в брюках, ни в кухне, ни в комнате он не обнаружил. На карачках ползал по полу, заглянул во все углы, во все ящики, даже в мусорное ведро – денег не было. После покупки двух бутылок водки, пары пива и какой-то закуски типа колбаса-сыр-селедка (платил, естественно, он, у Миши давно уже не водилось никакой наличности) должна была остаться сумма пусть и скромная, но позволяющая при должной экономии и без алкоголя прожить недели три.

Обычно деньги лежали в боковом кармане куртки (пиджаков Виктор уже давно не носил), либо, если купюр было больше, чем требовалось ему на день, он перекладывал излишки в верхний ящик письменного стола.

Карманы были пусты, ящики тоже, в общем – катастрофа. «Может, в магазине потерял, когда расплачивался? Сходить туда, что ли? Но ведь не вернут, паразиты». Думать про то, что это дружок Миша постарался, даже не хотелось. И вообще, какая теперь разница!

Ну, денек! Вот ведь, зараза какая! Одолжить денег – и то не у кого. Схватив подвернувшуюся под руку и ни в чем не повинную чашку с остатками чая, Виктор запустил ею в стену. Раздался оглушительный грохот, и по комнате разлетелись разноцветные осколки и остатки заварки. Это немного отрезвило уже закипавшего от отчаяния и злобы Виктора.

Ладно, слезами горю не поможешь, надо действовать. Перво-наперво хорошо бы раздобыть хоть немного денег – кушать на что-то нужно, да и в порядок себя привести, а то работодатели придут в ужас, примут его за бомжа или пропойцу какого-нибудь. А он все-таки инженер по образованию, хоть и работает последние десять лет то продавцом, то кладовщиком, то экспедитором.

Единственным способом быстро заработать для Виктора был банальный извоз. Метод испытанный, к нему он прибегал не раз, хотя очень не любил такого рода заработки и всячески от них уклонялся, если не было отчаянной нужды. Но сегодня был именно такой случай. Конечно, его «Москвич», хоть и выглядит пока еще прилично, но уже дышит на ладан. Правда, к счастью, еще бегают и даже выручают хозяина в трудную минуту.

Уже на выходе из подъезда Виктора посетила мысль, от которой он похолодел – после его последних поездок, насколько он мог вспомнить, бензина в баке почти не осталось. Он давненько не заправлялся, все откладывал на потом. Вот и дооткладывался, идиот.

Его худшие опасения подтвердились – топлива хватит разве что до ближайшей заправки. Но денег-то нет! «Нет, это же надо, вот денек! За что такое фатальное невезение?» – нервно рассмеявшись, Виктор вылез из машины.

И как теперь быть? Опустив голову, он задумчиво уставился на носки своих поношенных кроссовок. Мыслей не было никаких. И тут, словно опровергая все теории о фатуме, роке, судьбе, произошло маленькое чудо: очередным дуновением теплого летнего ветерка прямо к ногам отчаявшегося Виктора принесло некий зеленый продолговатый листок. Еще не веря своему счастью, он поднял его и поднес к самым глазам – это была купюра достоинством в десять американских долларов. Оглянувшись по сторонам – вдруг уже бежит, протягивая руки к своим деньгам, хозяин купюры? – Виктор никого не обнаружил. Ни рядом, ни в отдалении.

Это было хотя и частичным, но все-таки решением проблемы. «На заправку! – радостно скомандовал он сам себе, включая зажигание, – по дороге и валютку поменяем».

Выезжая с бензозаправки, он уже решал другую проблему – как ему лучше распорядиться подарком судьбы, а именно – где теперь быстрее и легче заработать денег. Из небогатой практики Виктору было известно, что мотаться туда-сюда с голосующими у обочины дело хлопотное и не очень прибыльное, а иногда чревато неприятностями – на кого еще нарвешься. На вокзалах и в аэропортах ему ловить клиентов не с руки – там и без него желающих куча плюс официальные таксисты, разъезжающие по заказам.

То же и у крупных отелей. Но вот у небольших приличных гостиниц стоит попытаться удачи – вдруг подплывет солидный клиент. А там всякое может быть – и аэропорт, и магазины, и московские достопримечательности по хорошему тарифу.

Виктор выбрал себе место около большого сталинского дома, где, как ему было известно, располагалась гостиница, принадлежавшая в свое время оборонному ведомству. В старые времена по роду своей работы ему иногда приходилось сопровождать приезжавших в СССР иностранцев, специалистов в области космоса и ракетной техники. Их селили именно в эту, расположенную в некотором удалении от центра города, внешне неприметную, но весьма комфортабельную гостиницу. Кому она принадлежала теперь, и кто в ней проживает, он, естественно, не знал. Но все присущие хорошей гостинице атрибуты были на месте – отреставрированный солидный фасад, небольшая, но добротная вывеска. У входа – швейцар в униформе. Несколько дорогих лимузинов (два с госномерами, отметил Виктор) теснились здесь же, вдоль тротуара – типичная проблема всех старых советских гостиниц, не имеющих нормального места для парковки автомобилей. Эта же вообще стояла в ряду обычных жилых домов, выстроившихся по обе стороны неширокого проспекта.

Виктор, к собственному изумлению, нашел себе очень приличное место – вроде и не рядом, а несколько сбоку, у торца соседнего дома. В общем, прогнать не должны, и в то же время выходящим из гостиницы его отлично видно. И он все мог видеть. Достал из багажника и установил сделанную в свое время по трафарету картонку «ТАХИ».

Ярко выраженных конкурентов, к счастью, пока видно не было.

Теперь Виктору хотелось думать о приятном. Например, о том, что случайностей не бывает, ведь для чего-то кто-то свыше ему подарил эти десять долларов. Или о том, что прихотливая судьба может взять, да и подкинуть еще какой-нибудь неожиданный подарочек. «Почему нет, – философски размышлял Виктор, – а то от этих неприятностей озвереть можно».

Время шло, но особого оживления у гостиницы не наблюдалось. Это, в принципе, было объяснимо – те, кто приехал работать, упорхнули рано, а туристы еще только завтракали.

Виктор от нечего делать стал разглядывать представительный фасад гостиницы. Это было не очень удобно, ведь видел он его под углом. Вот высунулась в окно рыжая голова – девушка, что-то высматривает внизу. Какой-то мужик в белой рубашке размахивает руками – то подойдет к раскрытому окну, то скроется в глубине комнаты. То ли сам с собой разговаривает, то ли спорит с кем-то. А с крыши свисают хитрые приспособления – мойщики окон занимаются своей муторной и опасной работой. Он зацепился взглядом за этих двух ребят, бесстрашно висящих снаружи здания и усердно наводящих блеск и глянец на и без того блестящие стекла. Отражая яркое летнее солнце, те пускали вокруг сотни солнечных зайчиков. Смотреть на все это было интересно, но начали болеть глаза. Он зажмурился, потряс головой, а когда глаза открыл, то увидел, что к его машине торопливо идет какой-то высокий лысый мужчина в светлом костюме.

Подойдя и наклонившись к окну, он поинтересовался:

– Вы – такси? – Виктор обрадованно кивнул. – Вы – свободен?

Виктор снова кивнул. Это был, безусловно, иностранец.

– Там багаж, – мужчина рукой показал на гостиничный подъезд. – Едете туда, я иду за багаж. Потом – Шереметьево, аэропорт. Там ждать, потом обратно.

Провожает кого-то, понял Виктор. Вот он, еще один подарок. Уже на законных основаниях он подъехал почти к самому подъезду и остановился, ожидая своего клиента. Швейцар состроил презрительную гримасу, но ничего не сказал. Через несколько минут иностранец появился в сопровождении очень похожего на него худого юноши в джинсах, майке и круглых зеленых солнечных очках, поднятых куда-то на макушку. За ними спешил служащий гостиницы, катящий тележку с двумя дорожными сумками.

Виктор вышел из машины помочь, однако справились без него. Когда носильщик, получив свои чаевые, ушел, иностранец с сыном начали размещаться в салоне. После недолгих препирательств (на немецком, его Виктор немного помнил) сынуля отвоевал себе место сзади, усадив папашу на переднее сиденье.

Виктор уже открыл дверцу, собираясь сесть на свое место, почему-то глаза его непроизвольно метнулись вверх – как там отважные мойщики?

Дальнейшее он помнил плохо, хотя его неоднократно и с пристрастием расспрашивали об этом и милицейские оперативники, и следователь прокуратуры, и представители ФСБ.

Виктор (свидетель по делу Виктор Анатольевич Круглов) увидел, как прямо на него стремительно несется что-то большое и черное, похожее на гигантскую, раскинувшую крылья птицу. Он в испуге зажмурился, и его как будто качнуло теплой воздушной волной. Потом услышал глухой и противный удар о железо, звон и хруст стекла, затем – громкие крики. Когда он открыл глаза, то увидел на продавленной крыше своего «Москвича» тело человека в черных брюках и белой рубашке, забрызганной кровью. Виктор попытался посмотреть, что у несчастного с головой, которая свисала вниз в том месте, где раньше находилось лобовое стекло, и ему немедленно стало так плохо, что он осел на асфальт, откуда его и подняли прибывшие через какое-то время санитары «Скорой помощи».

Виктор перед тем, как окончательно потерять сознание, успел подумать: «Вот они, подарочки судьбы. Если уж день безобразно начался – безобразно и кончится».

* * *

Тагиров, изменив своей всегдашней привычке проводить большую часть ежедневных оперативных совещаний на ногах, размеренно и неторопливо расхаживая по всему периметру своего большого кабинета, угрюмо восседал во главе длинного стола, по обе стороны которого маялись собранные по его особому распоряжению сотрудники.

Он молча перебирал листки в раскрытой перед ним папке. Пауза затягивалась, и кое-кто стал недоуменно поглядывать в сторону шефа – да что это с ним сегодня, в самом деле?

Тагиров хмуро оглядел своих подчиненных, чуть задержав взгляд на лицах самых нетерпеливых. Те чинно потупились.

– Итак, – начал он наконец, – у нас произошли некие события. На первый взгляд ничего особенного. Но только на первый. На второй, третий и так далее – есть какая-то странность во всем. Теперь по порядку.

Тагиров снова зашелестел лежащими перед ним бумагами.

– Николас Лейтер, пятьдесят четыре года, американский подданный. Живет в Вашингтоне, официальная должность – советник конгрессмена.

В Россию прибыл для участия в международной конференции «Экология космоса». Не докладчик – имел статус наблюдателя. Это второй его приезд, первый раз он был здесь в декабре 1994 года на межправительственных переговорах по проблемам строительства международных космических станций. В составе делегации американских специалистов. Российские коллеги отзывались о нем, как о высоком профессионале в этой области. По нашей линии ни в чем предосудительном замечен не был.

Но в этот раз все было не так. Прилетел он в прошлое воскресенье – конференция открывалась в понедельник. Но господин Лейтер не посетил ни одного заседания, даже не зарегистрировался. Ни в понедельник, ни во вторник. А в среду утром, – Тагиров сделал паузу и, тяжело вздохнув, продолжил: – Он погиб. Выпал из окна гостиницы, в которой проживал с момента приезда. Сам или помог кто – выяснить пока не удалось. Ни милиции, ни прокуратуре. Хотя обстоятельства, при которых произошло несчастье, наводят на некоторые раздумья. В связи с тем, что в ходе следствия может быть затронута сфера государственной безопасности, дело передали в наше ведение. Но пока это только предположения. Подтвердить или опровергнуть их – вот задача на ближайшее время. Информация, полученная из МВД, будет вам разослана. Наметьте линии поиска – и за работу. Вопросы?

– Какие сроки? – поинтересовался один из заместителей.

– Ближайшие. Сегодня пятница, так что следующее совещание по данному делу – в среду. Надеюсь, результаты будут.

Результаты оказались плачевными, хотя интенсивная работа велась по многим направлениям и были задействованы все возможные источники получения информации. Тагиров злился на себя, на своих сотрудников, но более всего – на обстоятельства. И надо же так случиться, чтобы именно сейчас, когда они по горло загружены действительно важными и сложными проблемами, на них свалился (в прямом смысле слова) этот идиотский американец. Профессиональное чутье Тагирова не подвело – дело было гиблое. Такие дела могут отравить жизнь надолго – ни раскрыть его, ни закрыть. И американцы всю кровь теперь выпьют – объясняя, что да почему случилось с их любимым соотечественником в далекой стране. Так и будем годами переписываться.

Сотрудники, чувствуя настроение шефа, докладывая, хмурились, всем видом демонстрируя, что тоже недовольны итогами работы. Мерно вышагивая по кабинету и внимательно слушающая их, Тагиров старался понять, за что здесь можно зацепиться, какое рациональное зерно содержится в ворохе разрозненных и пока ни к чему не пригодных сведений.

Итак. Господин Лейтер – крупный специалист по вопросам освоения и изучения космического пространства. Выпускник Гарварда. Входил в группу консультантов администрации Рейгана. Автор научных трудов и многих статей в специализированных изданиях, посвященных проблемам космоса. При этом написал две книги, обе наделали в США много шума. Первая, изданная в 1983 году, называлась «Кто не спрятался – я не виноват». В ней рассматривались возможные варианты вторжения на Землю инопланетного разума, один страшнее другого. Причем автор утверждал, что это не научная фантастика, а исследование, опирающееся на якобы имеющиеся, но засекреченные американским правительством факты. Другая книга, вышедшая в свет в 2000 году, называлась «Смерть над головой и под ногами» и вызвала грандиозный скандал. Там шла речь о таинственном и пагубном влиянии на жизнь нашей планеты прилетающих из космоса тел – метеоритов, астероидов и т. д. Ученый мир единодушно назвал книгу бредом, а публика читала ее взахлеб.

Вроде бы странно для ученого, дорожащего деловой и научной репутацией, издавать подобные книги, размышлял Тагиров. Но, с другой стороны, у человека, допущенного в коридоры власти, могли быть иные, нежели жажда дешевой популярности, мотивы поступить именно так. Над этим стоило поработать, и он, на мгновение остановившись у своего стола, сделал пометку на листе бумаги.

Так, пошли дальше. Интересный штришок – в свой прошлый приезд Лейтер проживал в той же гостинице. Только тогда, в 1994 году, принимающая сторона сама разместила здесь американскую делегацию (по традиции с советских еще времен), а в этот раз Лейтер заказал здесь номер самостоятельно, хотя бывшая ведомственная гостиница не входит в перечень многозвездочных отелей для состоятельных и именитых зарубежных гостей. Что, интересно, ему так в ней понравилось, если он пренебрег оазисами комфорта в центре Москвы?

Тагиров сделал еще одну пометку.

Далее. Удалось выяснить, что Николаса Лейтера часто приглашали на всевозможные конференции, круглые столы, симпозиумы и тому подобные публичные мероприятия как в США, так и в Европе. Иногда – в качестве почетного гостя. Однако он был невероятно разборчив, удостаивал вниманием лишь наиболее значимые и статусные. Чаще – отказывался от участия. В Россию за последние годы его дважды приглашали на весьма серьезные форумы, организованные Академией наук, на одном из которых его просили выступить в качестве эксперта, еще было приглашение из Звездного городка на торжества, посвященные сорокалетию первого полета человека в космос. Каждый раз они оставались без ответа, даже формального.

И вот этот серьезный и противоречивый господин сам лично присылает заявку на участие в рядовом и совершенно не статусном мероприятии, посвященном к тому же не столько космосу, сколько проблемам экологии. Получается, что Лейтеру понадобился формальный повод приехать в Россию? Не факт, но осмыслить это надо. Что там у нас еще?

На эту самую конференцию он так и не пошел. Регистрацию не проходил, пропуск не получал и попасть на заседания не мог по определению. Да и не видел его там никто – ни организаторы, ни участники, – это ребята проверили. Организаторы рассказали, что сами изумились, когда получили от него заявку на участие.

Но хуже другое. Никто не может внятно сказать, чем Николас Лейтер здесь занимался двое суток. Даже больше, учитывая, что прилетел он в воскресенье в семь вечера.

И, конечно, проклятый вопрос: «Что это – самоубийство, несчастный случай или убийство?» – повис в воздухе.

Номер, в котором проживал Лейтер, обследовали самым тщательным образом и несколько раз. Ничего, что объясняло бы хоть одно из предположений, не обнаружено. Следов борьбы нет, предсмертной записки тоже... Обслуживающий персонал и жильцы из соседних номеров ничего не слышали.

Если следовать логике, то непонятно, зачем надо было приезжать за тридевять земель, двое суток чего-то выжидать, а потом раз – и выброситься из окна. Конечно, чужая душа – потемки. Может быть, этот космический специалист уже давно сбрендил. Книжки странные писал, а теперь решил уйти из жизни, не дожидаясь нашествия пришельцев или падения астероида.

Несчастный случай, пожалуй, наименее вероятная гипотеза. Высокие и достаточно широкие подоконники добротного «сталинского» дома практически исключали случайное падение. Практически, но не на сто процентов. Мало ли что там ему взбрело в голову – на людей полюбоваться. Лег на подоконник, перегнулся и...

«Вообще невозможно себе это даже представить», – одернул сам себя Тагиров. Однако ему по-прежнему что-то не нравилось во всем этом деле. Была в нем, несмотря на кажущуюся простоту, какая-то еле ощутимая странность. А такие нехорошие странности он чувствовал интуитивно.

– А что у него с личной жизнью? Родные и так далее? – задал он вопрос одному из сидящих за столом.

Худощавый, коротко стриженный блондин стал докладывать:

– Родители живут в Чикаго, пенсионеры. Отец был бухгалтером небольшой компании, торгующей детским питанием. Мать преподавала в колледже литературу.

– Вот из таких семей и выходят крупные специалисты по космосу, – усмехнулся Тагиров. Докладывающий продолжил:

– Сам Лейтер холост. Женат не был, детей нет.

– Ориентация? – Тагиров оживился. – У этих «голубых» ребят вечно какие-то истории...

– Традиционная. Более того – по этой части покойник был героем труда.

– В каком смысле? – заинтересовался шеф.

– В общем, по сведениям наших источников, его характеризуют как мужика, который слишком занят, чтобы бегать за юбками, однако при этом и двух дней без женского общества прожить не может.

– А если в течение двух дней ничего не получится, он на третий в окошко сиганет? – съязвил Тагиров.

– Видимо, у американца не было еще таких случаев, – поддержал волнующую тему кто-то из присутствующих.

– Ладно, – Тагиров решительно пресек возраставшую волну веселья, – что там у него особенного с женщинами?

– Подруги обычно из числа коллег по работе, либо из обслуживающего персонала – официантки, стюардессы, продавщицы. Если не было постоянной любовницы, пользовался услугами профессионалок, – закончил свой доклад худощавый блондин.

– Понятно, – заключил Тагиров, – эту тему пока оставим.

Он снова подошел к столу и сделал очередную пометку. И снова задумчиво стал мерить шагами кабинет. Оставалось немного – результаты осмотра личных вещей Лейтера, найденных в номере гостиницы, и анализ информации, содержащейся в ноутбуке американца. Кстати, о немедленном возврате компьютера тут же заявили представители посольства, намекая, что там может содержаться секретная информация, с которой представители другой державы не имеют права ознакомиться.

Пришлось им вежливо, но твердо отказать, сославшись на необходимость соблюдать процессуальные нормы. И попутно заметить, что государственные секреты следует не возить за границу, а держать в пределах государства.

Но прежде чем перейти к этим последним островкам надежды, Тагиров уточнил:

– Что-то интересное, необычное есть? Несоответствия, отклонения? – И, заметив движение одного из аналитиков, попросил: – Расскажите, что у вас.

Мужчина лет сорока, лысый, в круглых очках тихо кашлянул и произнес:

– Не уверен, что это важно, но все-таки. Крупный специалист по космосу Николас Лейтер по какой-то неизвестной причине никогда не был связан с НАСА. Во всяком случае, публично, официально. Это странно. Как можно заниматься космической темой, совершенно не соприкасаясь с Национальным управлением по авиации и исследованию космического пространства, по сути, монополистом в этой области? Абсурд. Тем более что Лейтер неоднократно привлекался к работе правительства в качестве эксперта, консультанта. Кто же его рекомендовал, интересно?

– А что говорят наши конфиденцы из космической отрасли?

– Тоже удивляются.

– Это важно. – И Тагиров тут же распорядился: – Поработайте над этим, выясните, может ли такое быть, а если нет – почему он дистанцировался от НАСА. Случайно? Специально? И что это может означать?

Отвечающий за указанное направление начальник отдела кивнул головой, давая понять, что принял распоряжение шефа к исполнению.

– Теперь ноутбук. – Тагиров коротко глянул на своего компьютерного консультанта.

– Игры, материалы к конференции, которые ему прислали еще до его отлета в Москву, стенограмма заседания сенатской комиссии – это все открытая информация. Еще несколько файлов с текстами – похоже, наброски новой книги.

– О чем там? – спросил Тагиров.

– Что-то не очень вразумительное про русскую мафию.

– Как она прилетает из космоса на астероиде и захватывает Землю? – не удержался Тагиров.

– Типа того, – улыбнулся компьютерщик.

- Что еще?
 - Есть несколько вариантов карты Московской области.
 - Несколько?
 - Четыре. Две наши, взяты из Интернета, одна на английском языке и еще одна фантастически подробная, там отдельно изображен каждый район Подмосковья. Она тоже на английском.
 - Это все? Маловато.
 - Вывернули все наизнанку. Больше ничего нет. Похоже, он перед поездкой хорошенько свой ноутбук почистил.
 - Ладно. – Тагиров снова принялся вышагивать по кабинету. – А что с мобильным, проверили?
 - Да. Там всего три московских номера. Гостиница, контактный телефон организаторов конференции и еще одна квартира. Адрес имеется.
 - И что за квартира, кто там живет?
 - Квартира однокомнатная, на Варшавском шоссе. Там проживает некто Васильев Игорь Васильевич, 1975 года рождения, по профессии инженер-нефтяник. Москвич, но последние годы в Москве бывает наездами – постоянно работает в Сургуте.
 - Связывались с ним?
 - Связывались с его начальством. Он сам с разведчиками недр укатил в какой-то медвежий угол. Там и связи никакой нет. Теперь надо ждать, пока вернутся. Наши коллеги отслеживают ситуацию. Как только Васильев возвратится – сразу сообщат.
 - Понятно, – Тагиров помолчал немного и подвел итог: – Отрабатываем НАСА, инженера-нефтяника... – Он на секунду задумался и затем произнес: – И карты области. Для чего-то они ему понадобились в таком количестве? Да, очень внимательно поработайте со свидетелями происшествия – вдруг что-то выплывет. Пока так. Спасибо, все свободны.
- Обсуждение вопросов, касающихся скандальных книг, странного выбора конференции и повторного заселения в гостиницу, он решил отложить до следующего совещания.

* * *

Это был уже седьмой или восьмой допрос – Виктор сбился со счета еще на прошлой неделе. Вместо того чтобы искать работу, он часами просиживает в каких-то душных и пыльных кабинетах, где не то что кондиционер – вентилятор и то встретишь редко. Слушает одни и те же вопросы, уже почти машинально дает на них одни и те же ответы:

- Круглов Виктор Анатольевич.
- В Москве.
- Нет, временно не работаю.
- У гостиницы стоял, ожидая клиента.
- Да, знаю, но я же не работаю, нужны были деньги.
- Этого человека? Нет, не знал и раньше не видел.
- Ничего подозрительного не заметил.

И так далее, и тому подобное. Иногда Виктору казалось, что все случившееся – кошмарный сон, что это произошло не с ним. Может быть, если бы его оставили в покое, он бы эти жуткие воспоминания благополучно похоронил где-нибудь на задворках памяти. Но его внимательные собеседники не давали ему такой возможности.

Сначала это были ребята в серых милицейских мундирах, потом – в синих прокурорских. Теперь вот их сменил вежливый молодой человек в скромном цивильном костюме. Он оказался сотрудником ФСБ и беседовал с Виктором в неприметном особнячке без опознавательных знаков. С его появлением вопросы приобрели несколько иной характер, стали более

детальными и заковыристыми. Они как бы вытекали один из другого, устоявшаяся в общем и целом картина трагедии стала обрастать новыми подробностями. Правда, для этого приходилось сильно напрягаться, мысленно реконструируя тот злополучный день, а это давалось Виктору весьма тяжело.

Вот, к примеру, вопрос: почему он поставил свою машину именно в том месте, где его в итоге и нашел клиент? Ну, как, почему? От подъезда его наверняка прогнали бы – швейцар, охранники. Он чужой, а чужих нигде не любят.

– Так ведь вас от гостиницы видно было плохо? – уточнил собеседник Виктора.

– Почему? От главного подъезда нормально видно. Иностранец же меня заметил.

– Может, он из окна вас углядел? – гнул свое сотрудник ФСБ.

– Вряд ли, что ему в окне торчать – вышел на улицу, и все. Там ведь еще вокруг могли стоять машины, просто совпало так – никого в тот момент не было. К тому же, – Виктор помедлил, вспоминая, – если бы он в окно выглядывал, я вполне мог его заметить.

– Почему? – удивился молодой человек.

– Да я там, наверное, минут сорок загорал, от нечего делать окна разглядывал.

– Но вы же стояли не напротив здания, а под углом. Что же вам там было видно?

– Ну так, кое-что видел. Мойщики окон там висели.

– И все?

– Еще женщина высовывалась из окна. Кажется, рыжая.

– Вспоминайте, вспоминайте, – наседали на него собеседник.

Виктор, совершенно не понимая, что это тот прицепился к такой ерунде, силился вспомнить, что же и кого он видел, сидя в машине. И, кажется, вспомнил.

– Мужик там был в окне одном. Руками размахивал и вроде бы разговаривал с кем-то. То отойдет от окна, то снова вернется.

– Вы помните, как он выглядел?

– Лица не рассмотрел – далеко. Кажется, он был в чем-то светлом. Может, в белой рубашке...

Тут сотрудник ФСБ немного напрягся и переспросил:

– Точно в белой?

– Вроде точно... Я не очень хорошо это запомнил.

– А на каком этаже он был?

– Я же не считал. Но выше середины, точно. – И тут Виктора осенило: – Вы думаете, это он?

– Кто «он»?

– Ну, самоубийца этот!

– Да ничего я пока не думаю, – охладил его молодой человек, – пытаюсь составить более-менее ясную картину происшествия. Виктор, вы точно помните, что мужчина в окне с кем-то разговаривал?

– Нет, я просто так подумал тогда. Очень похоже было, по тому, как он себя вел. Хотя разные психи бывают – сами с собой могут общаться. Ведь потом-то он выбросился.

– А может, не он.

– Может быть, – тяжело вздохнул Виктор.

Беседа продолжалась еще более часа, но ничего значительного вспомнить не удалось.

В заключение молодой человек из ФСБ попросил Виктора не разглашать содержание их беседы и никому о ней не рассказывать.

Вдруг поняв, что вот сейчас он останется один на один со своими, практически уже неразрешимыми («Москвич» отправился на кладбище автомобилей) житейскими проблемами, Виктор вдруг спросил:

– Скажите, а я тоже могу вас попросить о чем-нибудь?

– О чем? – растерялся молодой человек.

– Устройте меня на хорошую работу! – выпалил Виктор.

Немного помолчав, видимо, обдумывая услышанное, сотрудник ФСБ поинтересовался:

– Почему вы решили, что мы можем это сделать?

– Знаете, – ответил Виктор, – я родился и вырос в обществе, которое убеждено – ваше ведомство может все. И у меня нет причин сомневаться в этом.

Молодой человек в скромном цивильном костюме рассмеялся:

– Не обещаю, но что-нибудь постараемся придумать. Позвоните мне через недельку. Пишите телефон.

* * *

Очень внимательно, не перебивая и не задавая дополнительных вопросов, Тагиров выслушал доклады сотрудников. Глубинная отработка приоритетных направлений дала некоторые результаты. Сейчас он пытался суммировать разрозненные факты и связать их в логическую цепочку.

Допросы свидетелей гибели Лейтера практически ничего не дали. Швейцар, водители гостиничных лимузинов, немецкие граждане (отец и сын), находившиеся внутри злополучного «Москвича», несколько прохожих, случайно оказавшиеся рядом, – все они видели лишь финал трагедии. Но вот подрабатывающий частным извозом водитель машины, на которую упал американец, рассказал нечто любопытное.

После активного вовлечения его в игру «я вспоминаю», этот Виктор Круглов припомнил, что видел в одном из окон гостиницы мужчину в белой рубашке, который с кем-то разговаривал. Свидетель не берется утверждать, что это был именно тот человек, который потом рухнул на его машину сверху. Да это и неудивительно – американца он не знал, мужчину (если это даже был Лейтер) видел издали и сбоку. Он не уверен, что тот мужчина был не один – ему так показалось. Белая рубашка – под вопросом. Выводы, естественно, делать рано, но основания для осторожных предположений есть...

Гостиничный персонал уверяет, что у Лейтера посетителей в то утро не было – за этим, как они утверждают, следят строго, никто посторонний без приглашения или специального разрешения пройти дальше общего холла не может. Интересно, что в то утро в гостинице вообще ни у кого в номере не было посторонних. Более того, опросили всех постояльцев, чьи окна выходят на фасадную сторону. К счастью, в номерах постояльцев было негусто – многие успели разъехаться по делам или завтракали в ресторане. Те же, кто находился на месте, оказались в массе своей другого пола. Мужчины же не очень подходили под описание, данное Кругловым. Нашлась рыжая барышня, которую припомнил водитель, что придало достоверности его воспоминаниям. Для нее это был первый день в Москве, и она просто любовалась видом из окна.

Был во всем происходящем и необходимый в таких случаях элемент везения – никто из постояльцев в последующие дни не успел съехать, облегчив тем самым работу оперативникам.

В итоге получалось: если никто из опрошенных не солгал и ничего не запаматовал, то вероятность, что свидетель видел в окне именно Лейтера, очень и очень велика.

Таким образом, можно считать, что эта тема закрыта – выжать что-либо еще здесь вряд ли удастся. Иллюзий относительно внезапных озарений или появления новых очевидцев Тагиров не питал.

Не удалось выяснить причину, по которой американец выбрал именно эту гостиницу. Просто попросил заказать ему номер именно здесь – и все. Разыскали людей, которые работали с Лейтером во время его прошлого визита: представителей космической отрасли, сопровождающих, переводчиков. всплыли любопытные подробности – американец прилично изъяснялся

по-русски, однако во время переговоров пользовался услугами переводчиков. Пил в меру, всегда себя контролировал. Во время посещения ресторанов пытался завязать знакомства с официантками, певицами, танцовщицами. Один чиновник рассказал, что подвозил американца до гостиницы с одной из девиц, однако кто она, припомнить не смог. Но это все были, что называется, штрихи к портрету.

Что же все-таки заставило Лейтера вторично поселиться в этой гостинице? Воспоминания о мило проведенном здесь с неизвестной девицей времени?

Практически та же история с выбором конференции. Прислал заявку – и все. Без комментариев. Информация, полученная от коллег Лейтера по официальным каналам, ясности не внесла – решительно все были удивлены, если не сказать озадачены, его поездкой. Но он работал в автономном режиме, у своего высшего руководства пользовался полнейшим доверием. Надо ему – значит, надо, пусть едет. Поехал, кстати, за государственный счет.

Судя по всему, придется отложить решение этих задач до лучших времен. Если они решаемы в принципе. А то ведь может случиться, что Лейтер просто захотел прокатиться, развеяться, а остановился в знакомом месте. Тагиров не любил в конце оставлять знаки вопроса, однако тут пока ничего нельзя было поделаться.

Зато его очень порадовало сообщение относительно связей Лейтера с НАСА. Весьма компетентные источники подтверждали – да, официально он не работал на управление, однако долгое время был задействован в неких спецпроектах НАСА. Что это за спецпроекты, никто точно сказать не мог. Один корифей космической отрасли конфиденциально озвучил довольно странную версию: ответ, вероятно, может отчасти содержаться в странных лейтеровских книжках.

«Интересно, – отметил про себя Тагиров, который вчера размышлял на эту тему – опять книжки всплыли. Надо будет еще и аналитиков на это дело бросить, пусть посмотрят. А вдруг...»

Кроме того, в архивах раскопали фото, где Николас Лейтер на прошлогоднем всеамериканском форуме под эгидой НАСА беседует с одним из руководителей управления, спокойно положив ему руку на плечо. Случайно запечатленный камерой жест красноречиво свидетельствовал об особых, доверительных отношениях этих людей.

Появление на горизонте такой серьезной структуры, да еще со спецпроектами, настораживало. Отчетливо линия пока не прослеживалась, но учесть это было необходимо.

Оставалось обсудить еще две важные проблемы. Карты Московской области и инженер-нефтяник, номер телефона которого был у погибшего американца.

* * *

– Господин Васильев? – Человек за канцелярским столом строго посмотрел на вошедшего.

Васильев, очень высокий мужчина лет тридцати, с усами и небольшой русой бородкой, приветливо улыбнулся:

– Господин! Почему так официально, вы не из милиции? Можно Игорь Васильевич, для друзей – просто Игорь.

– Игорь Васильевич, я не из милиции, – сухо ответил его визави, – я из ФСБ.

– Да? – протянул озадачено Васильев. – А зачем я вам нужен?

– Я прилетел из Москвы специально, чтобы поговорить с вами относительно одного серьезного дела. Но хочу предупредить...

– Знаю, знаю, – перебил его Игорь, – никому не расскажу о нашем разговоре.

– Именно.

– Прямо как в кино, – покачал головой Васильев. – А вас как зовут?

Фээсбэшник молча протянул Игорю для ознакомления свое удостоверение.

– Сергей Иванович или «товарищ капитан»? – вопросительно протянул тот.

– Как вам угодно, – так же сухо заметил московский гость.

Разговор происходил в кабинете заместителя директора нефтегазового предприятия, на котором трудился инженер-нефтяник Васильев. Хозяин, сам сотрудник ведомства в отставке, любезно предоставил коллеге свой кабинет для разговора.

– Игорь Васильевич, я хочу задать вам несколько вопросов и надеюсь получить на них исчерпывающие и искренние ответы.

– Хорошенькое начало, – вставил слово Васильев. – Но, поверьте, никакой вины за собой я не чувствую. Может, и завалил какого кабана или лося, но не по злобе, а из чувства охотничьего азарта!

– Игорь Васильевич, – терпеливо продолжал гость, – я прошу вас быть серьезным. У меня не так много времени на разговоры, я вечером должен лететь обратно. Так что давайте к делу.

– К делу так к делу, – посерьезнел Игорь. – Спрашивайте.

– Знаете ли вы Николаса Лейтера?

– Нет. Первый раз слышу это имя. А кто он?

– Вы уверены?

– Абсолютно. Я не знаю такого имени. А можете показать фото какое-нибудь, вдруг вспомню?

– Скажите, у вас много знакомых иностранцев?

– Вообще нет. Был приятель институтский, Иржи Новак, чех. Но я давно о нем не слышал.

– Я вам покажу фотографию, посмотрите внимательно.

Игорь долго вертел в руках снимок, затем протянул его обратно.

– Не видел, не помню такого. Дядька как дядька. Сергей Иванович, а почему вы о нем спрашиваете? Почему я должен его знать?

– Игорь Васильевич, прежде чем я отвечу на ваш вопрос, ответьте на мои. Вы точно не знаете этого человека? Никогда и нигде его не видели, никто вас ему не представлял? Может быть, это знакомый ваших друзей?

– Отвечаю, как вы просили, – исчерпывающе и искренне. Нет, нет и нет.

– Знакомство по Интернету?

– Исключено, я не балуюсь этим, времени, знаете ли, жалко. Так наломаешься за день – поспать бы или кино посмотреть. Я ответил на ваши вопросы?

– Да.

– Теперь ваша очередь, товарищ капитан.

– Игорь Васильевич, дело в том, что номер телефона вашей московской квартиры был у американского гражданина Николаса Лейтера. В записной книжке его мобильного телефона.

– Так вы у него и спросите, откуда он взял мой телефон. Я вообще никому его не даю, я же там не бываю. За квартиру мать платит, ну, прибирает там иногда, пыль и все такое.

– А постояльцев не пускаете?

– Зачем мне это? В деньгах нужды нет. Так вы спрашивали у этого Николсона... Николаса... как его там – Кейджа?

– Лейтера. Николаса Лейтера. Игорь Васильевич, мы не можем у него этого узнать. Он умер. Умер в Москве. Точнее – погиб.

– А он что, шпион? Почему ФСБ занимается этим?

– Во-первых, мы занимаемся не только шпионами. Во-вторых, я в интересах следствия не могу вам все рассказать. А вы подумайте, вдруг что-то вспомните.

– Знаете, Сергей Иванович, у меня есть некоторые мысли по этому поводу. Сейчас изложу, закурю только.

Игорь глубоко затянулся, выпустил дым тонкой струйкой и поудобнее устроился в кресле.
– Значит, история такая. В конце 1999 года я купил эту самую квартиру. Они тогда, после дефолта, дешевые были, не то что сейчас. Я в то время немного на перепродаже нефтепродуктов посредничал. В августе 98-го погорел, естественно, как и все, но кое-какие запасы остались. Меня уже тогда приглашали на Север, и я подумал – мало ли что, а квартира всегда в цене. Продавала ее певичка одна. Сейчас она знаменитость, а тогда ее почти не знали, только-только замелькала на радио, по телику. Я когда приехал квартиру посмотреть, извелся весь – где-то видел хозяйку, а где – не могу понять. Ну она меня и просветила – восходящая звезда Саша. Тут я и вспомнил. По-настоящему ее зовут Александра Журвиц, это уже когда документы оформляли, я посмотрел. Естественно, с такой фамилией не на эстраду, а коров доить. А так – Саша и Саша. Звучит.

Так вот, я пока сюда не уехал, примерно с полгода жил в той квартире. Знаете, иногда повеситься хотелось, особенно первые месяц-два – телефон мужики обрывали. В основном. Женщины звонили, но реже. Истерички какие-то.

Объясняю им вежливо – квартиру она продала, телефон не оставила, не знаю, где ее найти. А там мат, угрозы, рыдания. Хотел даже поменять номер, но ждать слишком долго, а тут уже и время уезжать подошло. Так что все решилось естественным образом.

Игорь снова затянулся и закончил:

– Так вот у меня сразу мысль возникла: может быть, этот номер она ему дала? Вы проверьте. За ней в Сургут лететь не надо – Саша в столице тусуется.

* * *

– Удалось поговорить с этой Сашей? – спросил Тагиров, когда доклад был закончен.
– Ей делали пластическую операцию, так что встречу удалось назначить только на завтра, и то со скандалом. Сначала пресс-секретарь орала что-то о бесчеловечных методах, потом какой-то бандит-продюсер пытался угрожать.

– А вы что?

– Обещал «Альф» прислать. Они согласились на завтра.

Тагиров улыбнулся и молча покачал головой. Ситуация не требовала комментариев.

– Ладно, завтра, значит, завтра. Теперь по картам. – Он встал из-за стола и заходил по кабинету. Интуиция подсказывала ему – самое интересное здесь, может быть, в них – ключ ко всем загадкам «дела Лейтера».

Руководитель аналитического отдела начал свой доклад.

– Мы проанализировали все имеющиеся в нашем распоряжении карты Московской области, находившиеся в компьютере господина Лейтера. Две из них взяты из поисковых систем Интернета. Обе очень примитивные, на них отражены лишь крупные районные центры и наиболее известные реки и водоемы. На одной из карт вообще усечена часть районов на западе области. Карта на английском языке, видимо, скачана с какого-то специализированного зарубежного сайта, скорее всего, географического или туристического. Ничего особенного, только отмечены места, где расположены охотхозяйства.

А вот четвертая карта интересна настолько, что относительно нее я консультировался не только с топографами, но и со специалистами по аэрофотосъемке. В общем, так – столь подробных карт никто никогда не выпускал – ни в России, ни за границей. Где ее делали – непонятно, но на ней такие обозначения... Все населенные пункты, включая заброшенные деревни и даже отдельные дома. В общем, вплоть до пней и ручейков. Скорее всего, при ее изготовлении использовали, помимо всего прочего, снимки из космоса. Такая карта незаменима в военное время. И для своих, и для чужих.

– Продолжайте.

– Карта порайонная, однако есть странность. Один из районов выделен иным, нежели все остальные, цветом.

– Что за район? – спросил Тагиров.

– Тихорецкий. Это направление, кстати, сегодня становится престижным. Там большое строительство началось: усадьбы, коттеджные поселки. Может быть, американец землю приехал скупать?

– Это ваша основная версия? – язвительно поинтересовался Тагиров.

– Никак нет, – быстро ответил главный аналитик и закончил доклад. – У меня все.

– Какие-нибудь пометки на карте есть? Может быть, что-то отмечено особо?

– Кроме Тихорецкого района, ничего.

Итак, карта. Действительно, зачем такие подробности человеку, приехавшему на конференцию в Москву? Что он собирался с ней делать, как использовать?

В этот момент Тагиров услышал:

– Разрешите, товарищ генерал?

Это был один из оперативных сотрудников, работавших по гостинице.

– Докладывайте.

– В ресторане гостиницы официанты нашли атлас Москвы и Подмосковья. Отдали администратору, у них там есть что-то вроде местного бюро находок. Никто не обратился за ним. Они нам показывали какие-то вещи, в том числе и этот атлас. На нем нет пометок, ничего, что может указать на владельца. Администратор, правда, говорил, что официант, который нашел атлас, вроде бы видел его у Лейтера, столик которого он обслуживал. С другой стороны, у многих туристов может быть такой, они в гостиничном киоске продаются. Уточнить же у самого Лейтера они не успели. И мы оставили его там – на нем ведь не написано, что это вещь американца.

Тагиров не закричал, а прорычал:

– Немедленно его сюда! Немедленно!!!

Интуиция не подвела Тагирова. Разворот с картой Тихорецкого района заметно отличался от остальных – страницы были небрежно замяты, слегка испачканы то ли кетчупом, то ли соусом – видимо, атлас лежал открытый на столе, пока его владелец ел. На левой странице остался след от стакана, как будто ее прижимали специально, чтобы атлас не закрывался. Вероятно, его владельца интересовала правая страница. Внимательно приглядевшись к ней, Тагиров увидел, что крохотный пятячок местности истыкан чем-то острым. Судя по тому, что глянцевый лист не проткнули насквозь, тыкали в него зубочисткой, взятой из специальной подставки на ресторанном столике. Тагиров достал из ящика лупу и положил ее на истыканный кружок. На стеклянную поверхность, словно со дна колодца, выплыло название населенного пункта – Богодуховка.

* * *

Суперзвезда отечественного шоу-бизнеса Саша (по паспорту Александра Журвиц) выглядела как новенький, только что надутый воздушный шарик. Ее круглое личико было приторно-розовым и неестественно блестящим. Большие голубые глаза широко раскрыты, а взгляд устремлен в пространство. «Может быть, так и должны выглядеть люди после пластических операций», – подумал сидящий напротив нее в кресле мужчина. Он достиг возраста, когда такие вот Саши, их окружение и все, чем они занимаются, вызывает лишь раздражение и чувство протеста. «Послали бы кого помоложе – быстрее бы общий язык нашли, потрепались бы об этих их штучках-дрючках, песенках да клипах», – размышлял служивый и, не торопясь, внимательно разглядывал сидящую перед ним знаменитость. Он уже более двадцати лет специализировался на общении с «трудными» объектами, брался за совершенно безнадежные

варианты. Руководство об этом его таланте всегда вспоминало в сложных ситуациях. Сейчас был именно такой случай.

Между звездой и вежливо молчащим гостем как третейский судья восседала девчушка лет восемнадцати – пресс-секретарь. Ей объяснили, что разговор должен происходить один на один, однако она плотно уселась на стуле и не сводила преданных глаз со своей владычицы.

– Меня зовут Борис Иванович, я сотрудник... – начал мужчина, почтительно наклонив голову, однако неестественно высокий, резкий голос прервал его:

– Да знаю, кто вы, мне тут все уши прожужжали – срочно, государственные интересы! А у меня не государственные? Два конкурса, телевидение, концерты в Питере, тур по Скандинавии. Я уже не говорю про запись нового диска! – вдруг сорвалась на визг певица Саша. – Его ждут фанаты! А я то в больнице, то с вами! Еще угрожать мне посмели!

Тут она, кажется, выдохлась. Во всяком случае, замолчала и бросила быстрый косой взгляд на гостя – что он теперь предпримет?

Борис Иванович, для которого трудные беседы иногда начинались со стрельбы, мордобоя и угроз «закатать в асфальт», невозмутимо переждал всплеск эмоций и почти ласково произнес:

– Видите ли, Александра Евгеньевна... – Певица вздрогнула, как будто он обозвал ее неприличным словом, и испуганно воззрилась на дерзкого мужика. – Я хотел бы извиниться перед вами за причиненные неудобства. Мы понимаем, что сейчас не самое лучшее время для общения, – гость виновато развел руками и смущенно улыбнулся, – но... Поверьте – лишь чрезвычайные обстоятельства вынудили нас настаивать на встрече именно сегодня.

– А почему вы не объяснили все, а угрожали, – продолжала капризничать звезда, правда, уже нормальным голосом. Выглядела она немного растерянной.

– Мы бы никогда себе не позволили, помилуйте, – мягко успокаивал ее Борис Иванович, – это досадное недоразумение. Третьи лица, кто-то чего-то недопонял – обычное дело. Естественно, если бы я позвонил лично вам сразу, то смог бы объяснить, как нам необходима ваша помощь в одном очень серьезном деле. Но вы, Александра Евгеньевна (она снова вздрогнула, и он вдруг подумал, что звезда просто отвыкла от своего нормального имени и тем более отчества), к величайшему сожалению, были в больнице. Извините, я не успел поинтересоваться – как ваше самочувствие? Выглядите вы, извините за мужскую прямоту, просто чарующе!

«Она покраснела, – вдруг с удивлением заметил Борис Иванович, – смотри ты, ничто человеческое нам не чуждо».

– Вы что-нибудь выпьете? – без всякого перехода поинтересовалась у гостя внезапно принявшая человеческий облик Александра.

– С удовольствием. Если можно, зеленый чай – буду признателен. – И он широко улыбнулся.

Пресс-секретарь, чутко уловив перемену в их настроении, стремглав бросилась куда-то в глубь квартиры.

Борис Иванович тут же придвинул свое кресло поближе к диве и доверительным полупшепотом произнес:

– Тема настолько деликатная и серьезная, что нам с вами лучше поговорить с глазу на глаз. Это недолго, минут десять-пятнадцать.

Александра явно не успела отреагировать на изменение тактики коварного посетителя и только покивала головой. Глуповато хихикнув, она сказала:

– Ну, естественно.

Вернувшейся с подносом девушке она велела быстренько выметаться, не забыв прикрыть за собой дверь.

– Итак, Александра Евгеньевна... – начал обходительный мужчина.

– Можете называть меня Сашей, – пискнула хозяйка.

– Спасибо, Саша. Я действительно займу минимум вашего времени. Дело вот в чем...

Борис Иванович внимательно наблюдал за реакцией Александры Журвиц в процессе всего повествования о Николасе Лейтере. Его впечатления были в основном позитивными. Барышня не охала, не ужасалась, не морщила лоб, делая вид, будто пытается что-то вспомнить.

Сначала она была очень внимательной, не сводила с собеседника глаз, только иногда откидывала назад светлую прядку волос. Потом погрузилась, когда он показал фотографию и назвал имя. В конце рассказа ее лицо стало безучастным и пустым. Пустыми были и Сашины глаза, смотрящие в одну точку перед собой.

Борис Иванович замолчал и взял в руки чашку с чаем, давая понять, что теперь он приготовился слушать. Молчание длилось несколько минут, но он ее не торопил – не хотел нарушить установившийся между ними хрупкий мир.

Наконец Александра, словно очнувшись, встряхнула головой, уже осмысленно и очень строго посмотрела прямо в глаза своему собеседнику и сказала:

– Я вас очень прошу, – в ее голосе звучали слезы, но глаза были сухими, – без необходимости, без очень большой необходимости не рассказывайте об этом никому. Пожалуйста, – как-то по-детски добавила она.

Борис Иванович на мгновение прикоснулся к ее руке – дружески, легко и ласково.

– Саша, вы сами решайте, что расскажете. Нам важно знать, как и когда попал этот телефон к Лейтеру. Вторгаться в иные сферы никто не хочет и не будет.

– Спасибо, я вам верю. Собственно, история простая. Помните, что было здесь в начале девяностых? Бардак, грязь, бандиты хозяйничают, перевороты какие-то. Тогда все девчонки мечтали выйти замуж за иностранца и уехать к едрене-фене отсюда. Особым шиком было – зацепить американского мужика.

Она тяжело вздохнула, словно вернулась в то время.

– Я тогда совсем сопливая была, только школу закончила. Кругом иномарки, шмотки – всего хочется, а денег нет. Мать одна меня растила, да и какой там у нее был заработок на ее фабрике. Единственное богатство – квартира, которую мне бабушка завещала. Я, как работать стала, туда и переселилась, чтобы мать не тревожить гулянками да поздними приходами.

Короче, пошла я работать. В школе пела в ансамбле – всем нравилось. Устроилась через знакомых ребят в ресторанчик маленький – петь. Потом один коллектив, другой – добралась до крутых кабаков, казино. Вот тут и появился этот американец. Он как увидел меня – так и прилип. Ну, я тоже, дурочка молодая, вообразила себе невесть что. Но вся эта любовь несколько дней и продолжалась – пока он на своих переговорах был. Я ему не только телефон – еще и адрес дала. Но он не написал и не позвонил ни разу за эти годы. Хотя я через несколько лет, когда дела пошли, продала ту квартиру и купила эту. Вот, собственно, и вся история.

И Александра развела руками – мол, добавить нечего.

* * *

– Вот видите, – Тагиров улыбнулся, – вы подружились с такой женщиной! А не хотели ехать. Значит, вы считаете, что верить ей можно?

– В общем и целом – да. Но есть один момент, я сейчас доложу. Когда мы прощались, я спросил, как с ней связаться, если что. Напрямую, не через секретарей и продюсеров. Она дала номер мобильного и сказала, что уедет на несколько дней – отдохнуть и «обновить берлогу». Я спросил, что за берлога, и она рассказала, что недавно закончила строительство нового дома. Место хорошее, недавно стало входить в моду. И знаете, какое это место?

Тагиров насторожился.

– Тихорецкий район Подмосковья, элитный коттеджный поселок рядом с деревней Богодуховкой, – сообщил Борис Иванович.

- Вот так номер, – не удержался Тагиров. – Значит, тема не закрыта?
- Будем следить за ситуацией, товарищ генерал.

* * *

Нужно было принимать решение, но Тагиров медлил. Уже час он неподвижно сидел в кресле, напряженно размышляя. Он так не любил мутных, непонятных ситуаций – а эта как раз такая на все сто процентов. Из всего собранного материала сделать сколько-нибудь определенные выводы было невозможно. Одни предположения.

Например: Лейтер и Александра Журвиц – классический любовный роман с роковым концом. Певица не пожелала рассказать правду, их взаимоотношения, вероятно, гораздо сложнее, чем она пыталась представить. Предположим, он приехал к ней. Допустим, не дозвонившись и не достучавшись, каким-то образом выяснил, что она будет в Богодуховке. Затем американца кто-то убил, может быть, сама Журвиц, неизвестно как проникшая в гостиницу. Может быть, ее боевой продюсер или нанятые им люди. Только вот зачем?

Опять же, как объяснить странный интерес Лейтера к картам? Получается, он еще в США знал, что Саша собирается жить в Богодуховке. Тогда он должен был знать и то, что она сменила квартиру вместе с номером телефона. Так почему же у него с собой был ее старый номер? Забыл стереть?

Или любовь и страсть тут ни при чем? И то, что Александра Журвиц имеет дом в районе, который почему-то так интересовал американского гражданина Николаса Лейтера, связанного с НАСА и держащего под рукой весьма специфическую карту местности, – случайность? Что же тогда заинтересовало ученого в обыкновенной российской деревне?

И еще пока непонятная ситуация с его смертью: убили или не убили? Все это предстоит выяснять. Как – пока непонятно. Более-менее ясно где: Тихорецкий район, деревня Богодуховка, с некоторых пор ставшая престижной зоной для жизни и отдыха состоятельных людей.

И самый главный вопрос – кто?

Кто свободен от всех других дел и обязательств?

Кто может в любой момент выехать на место и оставаться там сколь угодно долго?

Кто в наименьшей степени связан ведомственными рамками?

Ответ, в общем-то, лежал на поверхности.

«Группа У». Они займутся этим делом, грозящим превратиться в многомесячную головную боль. Глядишь, ребята что-нибудь и раскопают.

Решение было принято, и Тагиров вытащил из кармана мобильный телефон для экстренной связи.

* * *

Антон Анисимов выбил из пачки сигарету, прикурил и с удовольствием затянулся. В комнате было темно, только рассеянный свет монитора освещал кусочек стола с пепельницей, полной окурков. Пора было ложиться спать, иначе завтра он проваляется в постели до обеда. Вернее, уже сегодня – полночь-то давно миновала.

Зажав сигарету в зубах, он приблизился к окну и отодвинул занавеску. И мгновенно заметил фигуру в соседнем дворе. Кто-то пробирался по дорожке, выложенной камнями. В тусклом свете фонарей блеснули светлые волосы и белые ноги. Соседка! Анисимов быстро потушил сигарету и прильнул к стеклу. Чего это вдруг ее понесло на улицу ночью? Может быть, что-то случилось?

Однако через минуту стало ясно, что с девицей ничего не случилось. Она не шумела, не звала на помощь, а довольно уверенно двигалась к выходу с участка. Анисимов хмыкнул. Он

кое-что знал, касающееся Лаймы, и это заставляло его быть настороже. Стоило посмотреть, куда его соседка отправилась в такое время суток, и – главное! – что собирается делать.

Он вышел на улицу через боковую дверь и быстро добрался до своей калитки. Тихохонько приоткрыл ее и высунул голову наружу. Девушка удалялась в сторону шоссе. Может быть, кто-то приехал повидаться с ней, позвонил по телефону и сообщил, что ждет ее в машине возле поворота? Но с какой целью? К чему такая конспирация?

Ведомый любопытством, Анисимов затворил калитку и, прижимаясь к забору, последовал за новой соседкой. Он миновал небольшой пролесок, насыпь и узкую шоссею, ведущую на восток, к цивилизации. За шоссею раскинулся лес – довольно зловещий, надо признать. С густым подлеском и глубокими оврагами. Если взять влево, можно было попасть в болото, а если вправо – наткнешься на полуразрушенные корпуса заброшенного санатория. Это место пользовалось дурной славой, хотя Анисимову так и не удалось толком выяснить, почему.

Чертова кукла выбралась на дорогу и странной ныряющей походкой двинулась в сторону Москвы. «Может, она чокнутая? – со сладким ужасом подумал Анисимов. – Машины у нее нет, вот она и решила пешком вернуться в городскую квартиру». Тут он вспомнил, каким тоном девушка разговаривала с ним днем, и отказался от этой мысли. Если бы ей нужно было в город, она явилась бы к нему и потребовала заводить мотоцикл.

Тем временем Лайма просто изнемогала от страха. Мысль о бедной собачонке, конечно, поддерживала ее, но не настолько, чтобы она перестала бояться. В траве слева и справа стрекотали кузнечики. Время от времени какая-нибудь ночная птица длинно ухала поблизости, а потом принималась издавать короткие крики, как будто хохотала. Лайма ждала, что теперь, когда фонари остались позади, глаза вот-вот привыкнут к темноте. Ничего подобного! Казалось, что она наступает в черную вату. Можно было включить фонарик, но тогда она сама окажется на виду у всего леса. Мало ли кто прячется в зарослях?

Вот наконец и указатель, о котором говорил Корнеев. Гадина сидит сейчас в уютном подвале и занимается любимым делом. Ему абсолютно все равно, что переживает его напарница!

Оставалась самая страшная часть пути. Предстояло спуститься с дороги и войти в лес. Лайма изо всех сил таращила глаза, пытаясь разглядеть большой дуб с дуплом, и ей даже показалось, что она его видит. Производя изрядный шум, она сбежала вниз по насыпи и поскакала по опушке.

Наблюдая за ее маневром, Анисимов сошел с дороги заранее и по кустам добрался до того места, где девушка внедрилась в лес.

Отодвинув рукой ветки ели, Лайма ступила на мшистую подстилку и сразу же почувствовала, что рядом с ней кто-то есть – кто-то большой и страшный. Казалось, она слышит его сдерживаемое дыхание. Вот хрустнула ветка. Еще одна. Где он – слева? справа? Сердце мгновенно выпрыгнуло из груди и переместилось в голову. Теперь оно билось как бешеное у нее в ушах, в глазах и даже в носу. От ужаса Лайма почти ничего не слышала. Адреналин бушевал в ее крови, грозя взорвать вены.

Она представила, что это огромный медведь, который вот-вот заревет и бросится на нее из чернильного сумрака. Может, получится его отпугнуть? Как она могла не подумать о защите?! Лайма потянулась за фонариком, но он, как нарочно, выскользнул из ее потных пальцев и бесшумно ухнул в темноту. Теперь его не найти. Да и на что ей фонарик? Стукнуть зверю по лбу? Или осветить его жуткие зубы?

«Думай, думай! – приказала себе Лайма. – Ты же сообразительная. Ты смелая». Психическая атака – больше ничего не остается. В конце концов, животное есть животное. Оно может испугаться громкого крика, например.

Бедолага присела на корточки и пошарила вокруг себя. Вместо фонарика под руку ей попался увесистый камень, зарытый в мох. Он был скользким и вонял болотом. Лайма изо

всех сил сжала его дрожащими пальцами и приготовилась защищать свою жизнь. Психическая атака!

Анисимов поднял голову и увидел краешек серебряной луны, блеснувший сквозь прореху в тучах. Слава богу! Возможно, удастся разглядеть, что делает блондинка. Вдруг она закопала здесь клад?

Он выглянул из-за широкого ствола, который служил ему прикрытием, и увидел, что девица сидит на корточках в позе бегуна на короткие дистанции, который ожидает сигнала к началу состязаний.

Не успел Антон изумиться, как совершенно неожиданно, безо всякого внешнего повода, девица подпрыгнула вверх, раскинула руки, разинула рот и стремительно бросилась в бужину. При этом издала короткий каркающий крик, потом еще один, вломилась в кустарник и со всего маху налетела на дерево, которое попало ей на пути.

Раздался глухой стук, девица несколько секунд стояла на месте по стойке «смирно», после чего спиной упала на землю. И осталась лежать. В полном недоумении Анисимов вышел на полянку, подобрал фонарик и осветил неподвижное тело.

Тело было симпатичным, но очень бледным. Анисимов растерянно огляделся по сторонам, потом присел рядом, подsunул руку дуре под голову и похлопал ее по щеке. Открылся сначала один дикий глаз, потом другой.

– Где медведь? – жиденьким сопрано спросила она.

– Медведь?!

– Боже мой, – простонала Лайма. Вывернулась и встала на четвереньки. – Что вы тут делаете?!

Она едва не зарылась носом в траву. Трава была влажной и пряной. Гремучая смесь летних запахов ударила в лицо.

– А вы что тут делаете? – сердито ответил Анисимов.

– Вы меня напугали!

– Вы меня тоже напугали, – он встал и отряхнул штаны. – Я совершал вечерний моцион и услышал, как вы орете под откосом.

– Вечерний моцион? По-вашему, сейчас вечер?

Лайма переживала бурю эмоций и едва сдерживалась, чтобы не зарыдать от облегчения. Хотя ни за что бы в этом не призналась.

– Для меня – да. Я поздно заканчиваю работать. А вы?

– Что – я?

– Какая нелегкая понесла вас ночью в этот лес?

– Почему вы так сказали? С нажимом? В *этот* лес!

– Он пользуется дурной славой.

Анисимов подал Лайме руку и рывком поднял на ноги.

– Моя голова! – воскликнула она и схватилась за лоб, недавно встретившийся с крепким стволом.

– Счастье, что ваша голова не раскололась, как кокос, – назидательно заметил писатель. – Вы не ответили на мой вопрос.

– Мне показалось... – пробормотала Лайма. – Показалось, что кто-то зовет на помощь.

– Из лесу? – не поверил Анисимов. – Вы услышали это, сидя у себя дома?

– Ну и что. Ночью звуки разносятся далеко.

– Не настолько далеко, – отрезал он. – Кроме того, я ничего такого...

И тут до них донеслось жалобное поскуливание.

– Вот! – воскликнула Лайма. – Я же говорила! Слышите?

– Кажется, это просто собака, – сказал Анисимов, следуя за ней. Она уже увидела дуб и продиралась к нему сквозь кусты. – Куда вы несетесь?

– Разве собака не может звать на помощь?

– Но откуда вы знаете, где она? Я, например, не могу сориентироваться.

Когда они подошли совсем близко к дубу, поскуливание перешло в отрывистое жалобное тьяканье. Анисимов поводит фонариком по сторонам, и в пляшущем круге света их глазам предстал маленький серый пудель с красным бантом на ухе. Он был привязан за поводок к тонкой березке. Увидев людей, песик принялся перебирать лапами и припадать к земле, изо всех сил виляя хвостиком.

– Да это же Лили! – изумленно воскликнул Анисимов. – Сашкина любимица!

– Лили, девочка, – приговаривала Лайма, став на колени.

Она отвязала бедняжку, подняла на руки и прижала к себе. Собачка вертелась юлой и все норовила облизать ей лицо.

– Как она сюда попала? Просто ума не приложу... Это так странно!

– Кто такой Сашка? – спросила Лайма, притворившись, что ничего не знает о других своих соседях.

– Александра Журвиц, певица. Сценический псевдоним – Саша. Ее дом находится рядом с вашим. Наверняка она сейчас пьет валерьянку. Надо срочно отдать Лили хозяйке, она жить без этой собаки не может. Не представляю, кто мог притащить ее сюда...

Лайма молча шагала впереди. Как и полагается в подобных обстоятельствах, из-за туч неожиданно-негаданно выкатилась желтая луна и весело засияла в небе, освещая путь.

– Все-таки я не могу понять, – не унимался Анисимов, – как вы услышали тьяканье, сидя в своем доме?

– Разве вы не знаете, что у женщин хорошо развита интуиция? – спросила она через плечо. – Мне подсказало сердце.

– Может быть, вы медиум? – пробормотал Анисимов. И сам себя осадил: – Нет, вряд ли. Ну, что вы остановились?

– У меня кружится голова, – ответила Лайма и слотнула. – И еще меня тошнит.

– Давайте я понесу Лили.

Он взял у нее собаку, которая охотно облизала и его тоже, и начал выбираться на дорогу. Из-под его ботинок летели мелкие камушки. Почувствовав, что позади никого нет, он нетерпеливо обернулся. Лайма лежала в траве, раскинув руки в стороны. Несколько локонов выбилось из прически, придав ей растерзанный вид.

– Лили, кажется, тебе придется идти лапами. Я понесу кого-то другого, – пробормотал Анисимов.

Вернулся обратно и попытался привести Лайму в чувство. На похлопывания по щекам она не реагировала. Он стал трясти ее за плечи, но тут же перестал, потому что побоялся, что у нее оторвется голова. Голова моталась из стороны в сторону, словно держалась на тряпичной шее.

– Женщины – это такие существа, – сообщил Анисимов пританцовывающей вокруг него собачке и поднял Лайму на руки, – которые созданы для того, чтобы приносить вред мужчинам. Они совершают необъяснимые поступки, много говорят, повсюду суют свой нос, а как только ты хочешь поставить их на место, падают в обморок.

Несмотря на стройность, Лайма оказалась довольно увесистой для километровой прогулки. Анисимов изо всех сил отставлял локоть, чтобы поддержать ее затылок. Длинные ноги в разноцветных кедах потешно болтались в такт его шагам. Юбка была слишком короткой для того, чтобы спаситель чувствовал себя уверенно.

– А тащить-то ее придется ко мне в дом, – пожаловался он собаке, добравшись наконец до заветного поворота. – Она приехала одна, и за ней некому ухаживать.

Он взглянул на темные окна коттеджа Александры Журвиц и добавил специально для Лили:

– Судя по всему, твоя хозяйка спит, поэтому тебе тоже придется переночевать у меня.

Лили, кажется, была не против. Высунув розовый язык, она помчалась по садовой дорожке – уши развевались у нее за спиной. Потом в таком же темпе вернулась обратно, грозя запутаться у Анисимова в ногах и стать причиной его катастрофического падения.

– Уймись, псина, – шикнул он и проворчал: – Впрочем, чего я от тебя жду? Ты в своем роде тоже женщина...

Лайма странно смотрелась на его диване. Невозможно было не признать, что она чертовски хороша собой. Анисимов проверил ее жизненные функции – пульс, дыхание, температуру – и решил, что нет никаких оснований поднимать шум. Наверное, у нее легкое сотрясение мозга.

Он нервно прошелся по комнате, потом сходил на кухню, достал лед и замотал его в полотенце. Вернулся и приложил полотенце ко лбу пострадавшей. Лили тем временем забралась на журнальный столик и насыщалась обнаруженным в вазочке печеньем.

– Совершенно ясно, что хозяйка позволяет тебе все, – пробурчал Анисимов.

Лили восторженно гавкнула и принялась по своему обыкновению вращать коротким хвостом. Совесть не позволила Антону убить столь неподдельную радость, и он сделал вид, что собака на столе – дело совершенно обычное.

Полотенце пришлось держать двумя руками, чтобы лед не вывалился на пол. Отчего-то Анисимова сильно раздражала высокая прическа Лаймы. Он осторожно провел рукой по ее затылку и нащупал шпильку. Вытащил ее. Потом нашел еще одну и вытащил тоже.

– Туго стянутые волосы нарушают мозговое кровообращение, – объяснил он собаке. Лили была со всем согласна.

Действуя предельно осторожно, Анисимов распустил Лайме волосы и немедленно понял, что сделал это зря. Теперь она выглядела совершенно неотразимой. Если бы он не слышал мощный звук удара при ее столкновении с деревом, то подумал бы, что все это представление с обмороком – злой умысел. Жизненный опыт подсказывал ему, что женщины живучи, как тараканы, и проявляют слабость только тогда, когда им это выгодно.

Она приехала одна, и командовать ей решительно нечем. И тут он – совершенно беззащитный, и даже ничем не огороженный.

Когда девица пришла в себя, Анисимов немедленно мобилизовался. Нужно сразу дать понять, что тут ей не на что рассчитывать. Поэтому стоило Лайме шевельнуться, как он поцеловал языком и сказал:

– Ну и вид!

Она посмотрела на него долгим затуманенным взором и пробормотала:

– У вас зеленые глаза.

– Это не сможет изменить наших добрососедских отношений. Как вы себя чувствуете?

– Странно.

– Хотите чаю?

– Хочу.

Она приняла вертикальное положение и первым делом стала приглаживать свои волосы. Анисимов поспешно пояснил:

– Все шпильки вывалились.

– Вы что, тащили меня за ноги? – с подозрением спросила она.

– Нет, я вел себя как джентльмен и повесил вас на плечо.

Насытившаяся Лили подошла и повалилась Лайме под ноги. Та наклонилась, погладила округлившееся собачье пузо и сказала:

– Мне нужно в ванную комнату.

– Пожалуйста, – Анисимов широким жестом показал, куда идти.

– Вам придется меня проводить, – заявила Лайма. Ее голос окреп, и в нем появились прежние капризные нотки. – Вдруг у меня закружится голова, я упаду и стукнусь?

– Полагаю, на сегодня с вас достаточно.

Ему решительно не нравилась близость, которая неизбежно между ними возникла. Пришлось держать соседку под локоть, а когда она пошатнулась, даже обнять за талию.

– Вот полотенце, – мрачно сказал Анисимов, дождавшись, пока она умоется. – Лишней зубной щетки у меня нет, извините.

– Я пока обойдусь.

Это «пока» еще больше вывело его из равновесия. Однако когда он помог ей добраться до гостиной, Лайма неожиданно сказала:

– Я не буду чай. Можете проводить меня домой.

Анисимов решил, что она хочет, чтобы ее упрашивали, и немедленно разозлился:

– Да пожалейте же меня, в конце-то концов! Я всего лишь пошел прогуляться и получил вас и собаку на свою голову. Сейчас принесу плед и подушку, полежите на диване. А утром можете отправляться куда угодно. Я спать хочу, между прочим.

Лайма задумчиво посмотрела на него и милостиво согласилась:

– Ладно, уговорили, я остаюсь.

Он отправился на второй этаж и долго инспектировал шкафы. А когда вернулся с обещанным пледом, его гостья уже сладко спала. Пришлось укрыть ее самому, и это, безусловно, выглядело как проявление заботы. «Прямо с утра примусь за забор», – твердо решил Анисимов, пошел к себе в спальню и моментально уснул.

Однако недолго он видел сны. Как только рассвело, Саша вместе с садовником и экономкой забежала по поселку. Услышав голос хозяйки, Лили возрадовалась, принялась залиристо твякать и бросаться на дверь. Анисимов торопливо натянул штаны и выпустил ее на свободу.

Увидев живого и невредимого пуделя, Саша едва не сошла с ума от радости.

– Моя девочка! Мое серое сокровище! – рыдала она, отчаянно тиская собачку. – Где же ты была, моя красотиночка?!

– Твою красотиночку кто-то завел в лес и привязал к дереву. Скажи спасибо своей новой соседке, она пошла прогуляться перед сном и услышала вой. Кстати, ее зовут Лайма.

– Да я... Да я ее расцелую!

– Только не беги прямо сейчас, дождись, пока она проснется, – торопливо посоветовал Анисимов и предательски покраснел.

Ночевала-то Лайма у него. И если об этом узнает Саша, соответственно, узнает весь поселок. Анисимов не был готов к такому повороту событий. Но не оправдываться же ему, в конце концов!

– Кто же украл мою собаченьку? – продолжала причитать возбужденная певица.

Саша была искусственной блондинкой, злоупотреблявшей солярием и Канарскими островами. Она так сильно утягивала себя в талии, что ее загорелые прелести лезли наружу из декольте, делая ее похожей на рожок крем-брюле. Осветленные почти до белизны волосы торчали в разные стороны. Если бы Анисимов не знал точно, что это дело рук известного парикмахера, он решил бы, что певица принципиально не причесывается.

– Может быть, заявить в милицию? – продолжала негодовать Саша.

Анисимов покачал головой:

– Лучше уж сразу вызвать частного сыщика из Москвы. Милиция не примет заявления о покушении на пуделя. Тем более что собачка жива.

– О! Люди такие злые!

– Может быть, Лили украли твои поклонники? Или нет. Скорее вот что. Кто-то решил подзаработать. Наверное, за нее хотели потребовать выкуп.

– Хоть нанимай телохранителя, – проворчала Саша, стремительно обняла Анисимова и поцеловала его в щеку. – Надеюсь, вы ее покормили?

– Кого? – насупился Анисимов.

– Мою Лили, разумеется!

– О... Конечно. Твоя серая прелесть плотно покушала. По крайней мере, печенья в доме точно не осталось.

Возвратившись в дом, он увидел свеженькую Лайму, которая завязывала шнурки на своих кедах.

– Не могу поверить, что вы вынудили меня остаться! – встретила она его сердитыми словами.

Анисимов не ожидал такой наглости и на минуту даже опешил.

– Я точно помню, что собиралась вернуться домой. А вы не дали! И даже не уступили мне свою спальню!

– А я должен был?

Он ухмыльнулся. Такой она нравилась ему больше. Он вообще любил предсказуемые ситуации.

Оба надеялись, что Лайме удастся пересечь его участок незаметно для соседей. Однако, как только они вышли на крыльцо, в калитку немедленно ворвалась возбужденная Саша. Лили торчала у нее под мышкой и часто дышала, роняя слюну на песок.

– Дорогая моя! – воскликнула певица, сияя, как начищенная кастрюля. – Я так рада с тобой познакомиться! Ничего, если мы будем на «ты»?

Лайма немедленно согласилась. Для дела очень полезно сократить дистанцию. В конце концов все сложилось хорошо. И Корнеев, в общем-то, был прав, когда попытался ускорить события. Кстати, как он там? Как бы он не очнулся и не поднял на уши начальство. Вдруг подумает, что его напарница попала в беду?

– Если тебе что-нибудь понадобится, можешь смело на меня рассчитывать! – заявила Саша и похлопала Лайму по плечу, как делают мужчины, когда хотят показать, что встретили «своего парня». – Ты привезла с собой помощницу по хозяйству?

– Нет, – покачала головой Лайма и придала лицу скорбное выражение. – Когда мой муж умер, его финансовые дела оказались очень запутанными. Сейчас адвокаты во всем разбираются. Сначала я должна понять, на каком свете нахожусь.

Саша нахмурилась, и Лайма быстро добавила:

– Но садовник мне, безусловно, нужен. И кухарка, разумеется.

Лицо певицы просветлело.

– У меня есть личный садовник! – радостно сказала она. – Я могу его тебе ненадолго уступить. Вот он доделает мне террасы, я его пришлю. Пойдем, посмотришь, какую красоту он развел возле моего дома! Антон, ты с нами?

– Нет, мне нужно делать загородку, – сообщил Анисимов мстительным тоном. – Дело не терпит отлагательства. Сейчас мне как никогда требуется уединение.

Лайма не удостоила его даже взгляда. Саша взяла новую знакомую под руку и повела на свою территорию. За высоким забором обнаружился поистине райский уголок с яркими миксбордерами и стриженными бордюрами. Повсюду стояли массивные вазоны, а главная дорожка была обсажена пирамидальными кустами.

Тут же находился и творец всей этой красоты, молодой человек в ковбойской шляпе.

– Гарик! – крикнула Саша и помахала ему рукой. – Я привела к тебе свою подругу!

Гарик повернулся и пристально посмотрел на Лайму. У него было длинное мрачное лицо и сросшиеся над переносицей брови. Тонкий нос нависал над круто изогнутой верхней губой. Именно таким в детские годы Лайма представляла себе Урфина Джюса из сказки про Изумрудный город.

– Добрый день, – поздоровался садовник и с хрустом воткнул лопату в землю. – Вы в самом деле нашли собаку в лесу? Я думал, она сбежала.

– Лили валяется на его клумбах, – радостно объяснила Саша и потрепала пуделя по хохолку. – У них война. Но это все не всерьез, разумеется!

– Разумеется, – подтвердил Гарик и посмотрел на собачку долгим взглядом.

Если бы Лайма не знала наверняка, что Лили похитил Корнеев, то немедленно заподозрила бы в преступлении садовника.

– Вы делаете в саду террасы? – спросила она, с удивлением разглядывая круглые железки с дырками, валявшиеся вокруг. – А вот эти штуки для чего нужны?

– Подсобный материал, – ответил Гарик и указательным пальцем сдвинул шляпу на затылок. Вид у него сразу стал менее зловещим. – У соседа в саду валялась штанга, и кто-то ее свистнул. Сам гриф, я имею в виду. Перекладину. А «блины» остались. Он собирался выбросить их на свалку, но я решил, что сделаю из них горку. Думаю, выйдет красиво.

– Обязательно приду посмотреть.

– Кстати, соболезную, – неожиданно вспомнила Саша. – Гарик тоже соболезнует. Мы все слышали про твоего мужа. Это так ужасно: отправиться в отпуск и выбрать сломанный самолет! Надо ему было вести себя осмотрительней!

Лайма сглотнула. Бедный Перворуков – его отчитали уже после смерти.

– Пойду-ка я домой, – сказала она. – Я еще даже не распаковала вещи.

Саша наконец-то отпустила собаку, которая вприпрыжку бросилась к дому – вероятно, проголодалась.

– Я тебя провожу, – не терпящим возражений тоном заявила певица.

И лишь только они отошли от садовника на безопасное расстояние, наклонилась и шепнула Лайме в самое ухо:

– Хочу затащить его в постель. А он делает вид, что сопротивляется.

Саша засмеялась, и ее налитая грудь, стиснутая тесной кофточкой, начала забавно подпрыгивать. У певицы были длинные ногти, покрытые золотым лаком с блестками. Ко всему прочему, от нее так сильно пахло духами, что хотелось высморкаться. Лайма изо всех сил старалась не обращать внимания на все эти мелочи. В конце концов, она здесь не для того, чтобы получать удовольствие от общения с дачниками.

* * *

Во время их последнего разговора Тагиров сказал Лайме:

– Есть мнение, что наш блистательный специалист по космосу свои книжки странные не просто так писал. Не то чтобы там зашифрованы тайные знания... Либо это сознательная провокация, дабы вызвать некий резонанс, либо заинтересованные лица почву прощупывают. Но кто они, зачем это делают? Сам Лейтер придумал это или действовал по заданию НАСА? В общем, попробуйте на досуге почитать его опусы, вдруг придет в голову светлая мысль.

Насчет досуга шеф, наверное, пошутил, а вот сама идея Лайме понравилась. Иногда по такой вот книге можно составить некое представление об авторе, понять его образ мыслей, а если повезет, то и тайные планы. Если у автора таковые имелись.

Она попросила Корнеева найти в интернетовских базах оба лейтеровских бестселлера и сбросить на ее компьютер. Корнеев, разумеется, забыл, поэтому приступить к захватывающему чтению Лайма смогла не сразу. Сегодня как раз выдался подходящий день – дождливый, пасмурный и пустой.

Книга «Кто не спрятался – я не виноват» представляла собой смесь триллера, детектива и порнографической фантастики. Читателям предлагалось ознакомиться с жуткими сценариями вторжения инопланетян на Землю. Причем сценариями якобы уже отчасти осуществлен-

ными. В предисловии утверждалось, что все это есть чистейшая правда, скрываемая от человечества правительственными чиновниками, которых на корню скупил пришельцы. Тех, кого не удалось купить, пришельцы убили, и в их обличье творят свои темные дела. Американское правительство обвинялось автором в бездействии.

Была уже темная ночь, в деревне заунывно выли собаки, и о стекло периодически билась какая-то ветка, заставляя Лайму вздрагивать и оборачиваться – не лезет ли кто в окно.

Чем глубже она погружалась в мир лейтеровских фантазий (или знаний?), тем хуже ей становилось. Инопланетный разум уверенно шагал по нашей планете, творя такие непотребства, что волосы на голове вставали дыбом.

В первой главе Николас Лейтер пророчествовал:

«Великий эзотерик Эдуард Шюре писал, что четыре расы, возникшие в разных концах Земли, разделили между собой поверхность планеты. Южный континент, поглощенный последним великим потопом (имеется в виду Атлантида), стал колыбелью первобытной красной расы, и индейцы Америки лишь ее остатки. Африка – мать черной расы, Азия произвела желтую расу. Последний пришелец, говорит Шюре, – белая раса, вышедшая из лесов Европы. И человечество тысячелетия жило благодаря смешению этих рас.

Однако в дела земные вмешался Космос, и совсем скоро мы станем свидетелями появления новой, небывалой расы – зеленой. Над этим сегодня без устали трудятся зеленые нелюди из другой галактики. Это живые существа, однако, в отличие от людей, они лишены того, что мы называем душой. Это холодные, прагматичные создания, чья цель – возродить собственную цивилизацию, которую они разрушили в борьбе за господство во Вселенной. Они планируют превратить Землю в опорную базу, с которой начнут новое наступление на все живое, что есть в ближайших созвездиях. Для этого им необходимо как можно скорее вырастить несколько молодых поколений, чем они сегодня активно занимаются. Пройдет совсем немного времени, и нашу прекрасную планету заселят зеленые существа, уже начисто лишённые привычных нам чувств, зато наделенные холодным, безжалостным и агрессивным разумом».

Далее следовали описания технологий «озеленения» планеты, причем такие, что Лайму бросало то в жар, то в холод, то в краску. Страниц пятьдесят было посвящено подробнейшему рассказу о том, как землянок вылавливают на улицах и везут в специально оборудованные высоко в горах инопланетные цитадели. В этих цитаделях инопланетяне весьма долго и изобретательно над женщинами глумятся, проводя различные опыты. На рисунках, сопровождающих текст (рисовал автор), изображены инструменты и приборы, используемые для этих целей.

Потом Лейтер, как заправский маньяк-очевидец, описывал сцены физических контактов землянок с зелеными пришельцами. Описаний было так много, и все они оказались такого свойства, что американец вполне мог претендовать на роль автора первого межгалактического учебника по сексопаталогии.

Еще одна глава целиком посвящалась тому, как космические негодяи содержат беременных пленниц и как именно происходит влияние на развитие плода, чтобы родился полноценный зеленый инопланетянин. После этого Лейтер перешел к печальной судьбе несчастных матерей, которые после родов уничтожались и перерабатывались в некую «полезную массу». Описывался процесс, естественно, с полным знанием предмета.

В одном месте Лайму чуть не вырвало, и она, уже не вдаваясь в подробности, стала пролистывать страницы, пытаясь найти в книге хоть частичку здравого смысла. Создавалось впечатление, что Лейтер решил доказать американцам, а также всему просвещенному человечеству, что он законченный идиот с садистскими наклонностями. Две следующие саги об оккупации Земли пришельцами в исполнении Николаса Лейтера лишь укрепили Лайму в этой мысли.

Под утро она забылась тяжелым сном, в котором перемешалось пережитое за день с прочитанным ночью. Проснувшись, Лайма долго приходила в себя. «Еще одно творение Лейтера я не переживу, – подумала она. – Корнееву, что ли, дать почитать? Пусть себе анализирует».

Поддавшись минутной слабости, Лайма двинулась было к подвалу, но по дороге передумала. Ничего, от нее не убудет. Только изучать книжечку она станет по возможности в светлое время суток. Вместо приятного послеобеденного сна.

* * *

Несколько дней Лайма провела совершенно праздно. Она общалась с Сашей, пикировалась с Анисимовым, прогуливалась по окрестностям и набрасывала план местности. Корнеев сидел в подвале и лишь изредка составлял ей компанию за чашкой чая.

Как Лайма ни подруливала к певице с «задушевными» разговорами, та даже словом не обмолвилась о своем знакомстве с Николасом Лейтером и о том, что недавно ее в связи с этим допрашивали соответствующие органы. Саша готова была обсуждать любую тему, кроме той, что по-настоящему интересовала Лайму. Об иностранцах вообще – ни гугу. О своих поездках за границу – дешевые впечатления туристки.

Но вот наконец Лайме представился случай завести новое знакомство. Однажды она вышла проводить Сашу до калитки, но не успели они расстаться, как увидели белый автомобиль, медленно съезжавший с главной дороги. На нем не было ни пылинки, и сверкал он так, будто прибыл за Золушкой, намылившейся на бал.

– Это Граков, – с благоговением сообщила Саша. – Ты с ним когда-нибудь общалась?

– Нет, – покачала головой Лайма. – Только по телевизору видела.

– Я тебя познакомлю, – пообещала певица. В ее голосе, впрочем, чувствовалась неуверенность. – Хотя... Он не очень контактный.

– Ясное дело, – кивнула Лайма, наблюдая за тем, как автомобиль проплывает мимо и останавливается в нескольких метрах от них. – Наверное, привык к одиночеству. Месячишко поплутаешь по джунглям, и два человека покажутся толпой.

Степан Граков был известным путешественником, мужчиной с железным характером, который на собственном примере демонстрировал силу духа и неограниченные возможности человека. Он переплывал моря, летал на дирижаблях и дельтапланах, поднимался в горы без проводников, сплавлялся на плоту по горным рекам, навещал дикие африканские племена, бродил по пустыням, опускался в океанические впадины и дрейфовал на льдинах.

– Непредсказуемый человек, – шепотом сказала Саша, прижав ладони к груди. – Бывал в Японии и в Индии, объездил всю Африку и вот – обосновался в Богодуховке!

Из автомобиля тем временем выбрался сам герой дня – среднего роста человек с широким загорелым лицом, маленьким подбородком и твердыми губами. Черные волосы, протравленные сединой, были коротко пострижены, осанка говорила о непоколебимой уверенности в себе.

– Здравствуйте, дамы! – крикнул Граков, обернувшись к ним.

У него была улыбка, которую невозможно игнорировать. Широкая, обаятельная и бело-снежная, как антарктический снег.

– Здравсьте, – скромно поздоровалась Лайма, а Саша оживленно помахала рукой:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.